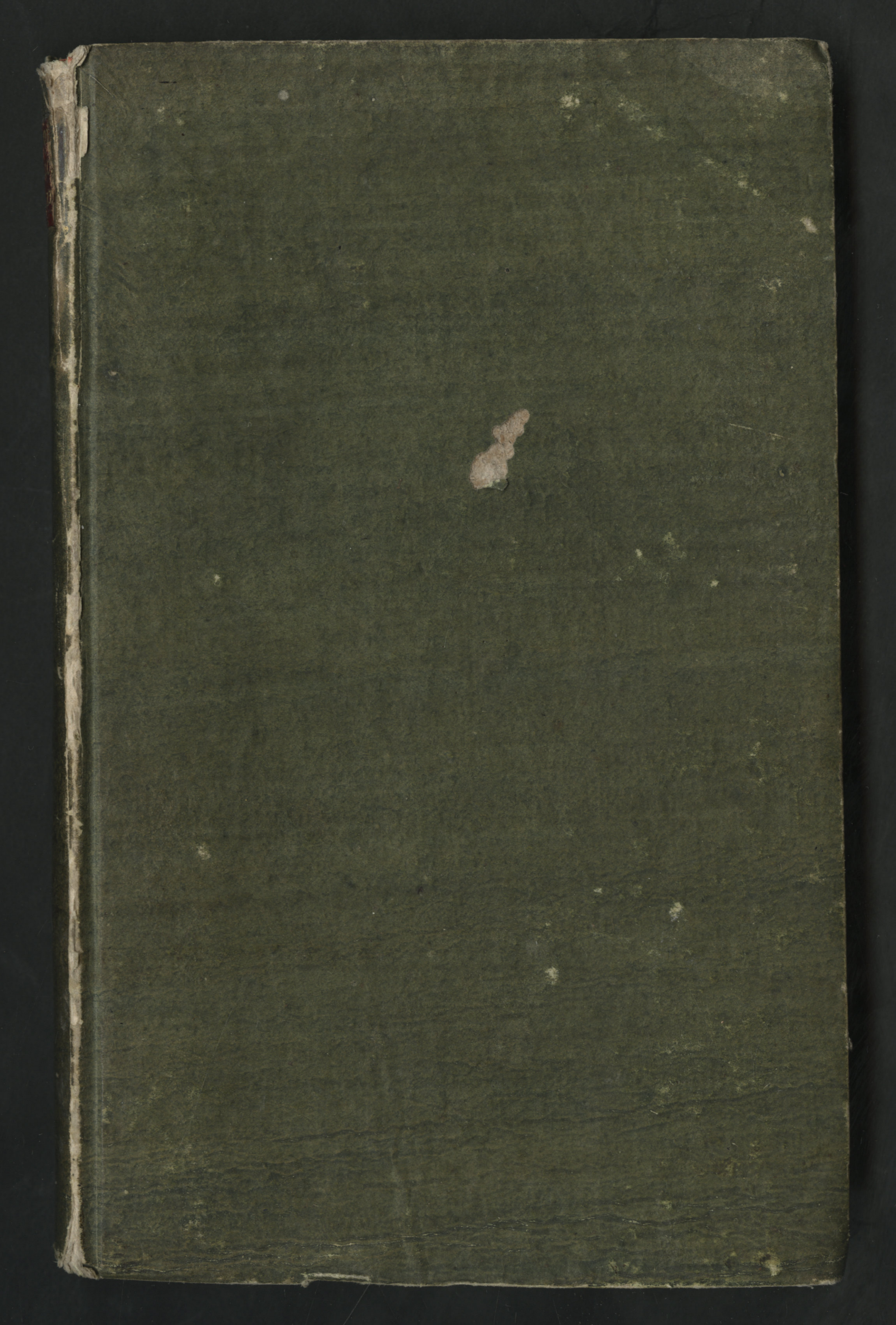
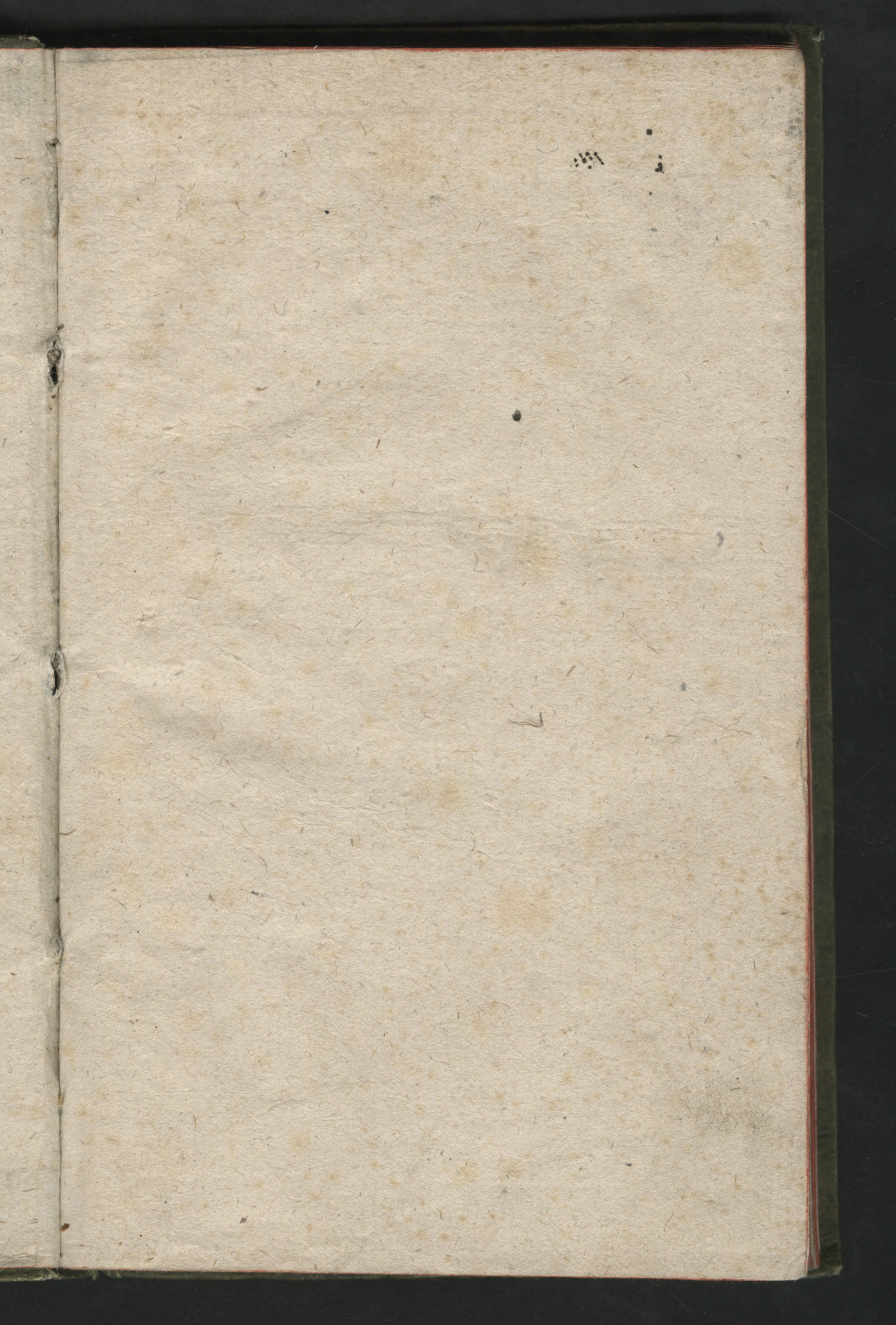
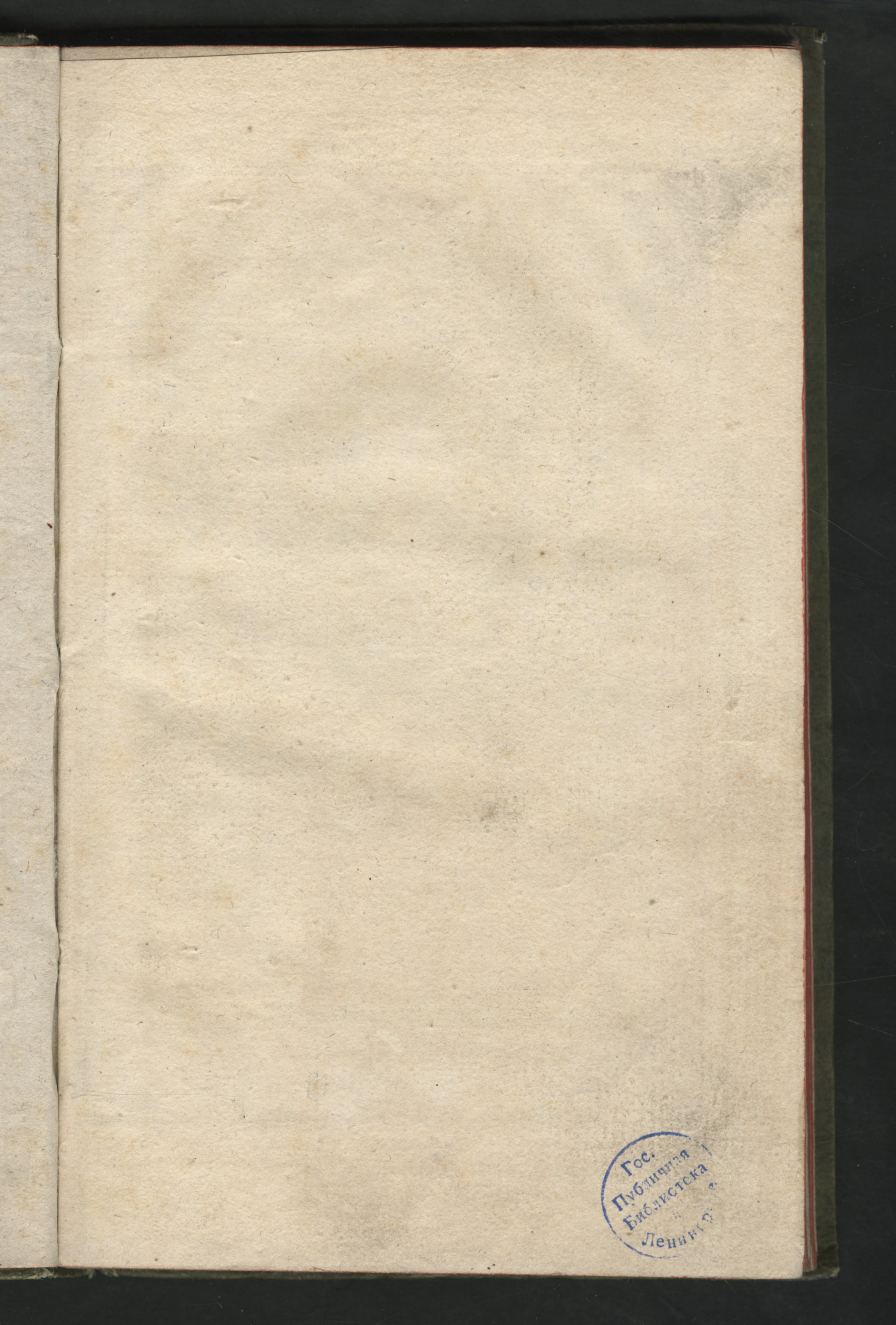





Гос.
Публичная
Библиотека
Ленин


Волтеръ.

ЧЕЛОВѢКЪ

ВЪ 40.

ТАЛЕРОВЪ.

Сочиненіе

Г. *Волтера.*



ВЪ Санктпетербургѣ

1780 *года.*



ЧЕЛОВѢКЪ
ВЪ
СОРОКЪ ТАЛЕРОВЪ.

Старикъ негодуя по обыкновенїю своему на настоящее и выхваляя прошедшее, говорилъ мнѣ, другъ мой, *Францїя* нынѣ не столь богата, какова была во времена *Генриха* IV. А для чего? Для того, что поля не столь прилѣжно пашутъ, что въ людяхъ недостатокъ и великая за труды поденьщикамъ плата, понуждаютъ многихъ поселянъ оставлять свои земли въ небреженїи.

Но недостатокъ въ людяхъ отъ чего? Отъ того, что всякъ примѣтивъ въ себѣ хотя самую малѣйшую къ чему нибудь

будь способность, тотъ часъ берется за золотошвейное, рѣзное или часовое мастерство; упражняется въ шелковой работѣ, старается быть повѣреннымъ или сдѣлаться богословомъ; что уничтоженіемъ Нантесскаго указа со всемъ Государство наше опустошено; что нищіе и старицы умножились и что всякъ на конецъ со всевозможнымъ стараніемъ отъ тягостнаго, но Богомъ намъ опредѣленнаго земледѣлія, которое мы столь поноснымъ учинили, убѣгать началъ. Такъ то мы разумны!

Другая причина бѣдности нашей происходитъ отъ новыхъ нашихъ нуждъ. Ибо за одинъ только вонючій нюхательный порошокъ, изъ Америки вывозимой, должны мы платить сосѣдамъ съ одной стороны по четыре, а съ другой по пяти или шести милліоновъ. А притомъ кофей, чай, шоколатъ, червецъ, брусковая краска и пряные коренья становятся намъ ежегодно болѣе, нежели въ шестьдесятъ милліоновъ.

Все сіе во времена Генриха IV было намъ неизвѣстно, выключая пряные коренья, да и тѣ гораздо въ меншемъ количествѣ употребляли. Теперь сожигаемъ мы во сто разъ болѣе восковыхъ

свѣчь

свѣчь и большую часть воску беремъ у иностранцовъ, по тому что сами о пчелахъ не радѣемъ. Парижскія и другихъ городовъ мѣщанки украшаютъ свои уши, шею и руки во сто разъ болѣе алмазами, нежели сколько имѣлъ весь дворъ Генрика IV, не исключая и самой Королевы. Всѣ же сіи излишества получаемъ мы за наличныя денежки.

Мы теперь въ ратушу взносимъ болѣе пятнадцати милліоновъ, для уплаты государственныхъ долговъ. Генрихъ же IV при вступленіи своемъ на престолъ увидя, что она была только двумя милліонами должна, премудро уплатилъ часть ея долговъ, дабы отъ такого бремени избавить Государство.

Сверхъ сего междоусобныя брани привлекли во Францію Мексиканскія сокровища, когда Донъ Филиппъ, прозываемый премудрымъ, покушался оную купить; и съ сего времени постороннія войны до половины источили нашу казну.

Въ семъ то отъ части состоитъ причина нашей бѣдности. Однакъ мы ее скрываемъ въ убранныхъ покояхъ и проворствомъ модныхъ торговокъ; и такъ мы бѣдны со вкусомъ. Правда: есть у насъ богатые казначеи, подрядчики и купцы,

также и ихъ дѣти и зятья довольно зажиточны; но народъ вообще весь бѣденъ.

Разсужденіе сего старика, худо или хорошо, глубоко во мнѣ впечатлѣлось. Ибо приходской попъ, живучи со мною дружно, научилъ меня нѣсколько Исторіи и Геометріи, такъ я и самъ разсуждать началъ, что весьма рѣдко въ провинціи моей бываетъ. Я не знаю, все ли то справедливо, что онъ говорилъ; но будучи самъ бѣденъ, легко повѣрить могъ, что подобныхъ мнѣ бѣдняковъ довольно наберется.

Несчастіе человѣка

въ сорокъ талеровъ.

Я за удовольствіе почитаю объявить свѣту, что имѣю землю, съ которой бы наличныхъ сорокъ талеровъ получалъ доходу, еслибъ наложенная на нее подать не была тому препятствіемъ.

Недавно появились многіе указы отъ такихъ особъ, кои сидя у камина на досугахъ правятъ всѣмъ Государствомъ. Введеніе оныхъ указовъ состояло въ

томъ

томъ, что *власть законодательная и исполнительная произошла отъ божественнаго закона, имѣющаго право на мою землю;* по чему и долженъ я давать ей по малой мѣрѣ половину моего пропитанія. Ненасытное чрево законодательной и исполнительной власти привело меня въ крайнее изумленіе. А чтобы воспослѣдовало тогда, еслибъ она начальствуя надъ существеннымъ уставомъ обществъ, вовсе владѣла моею землею? Одно божественнѣе другаго.

Г. Генералъ Казначей довольно вѣдаетъ, что я прежде сего платилъ только двенадцать ливровъ, и что и сіе для меня было столь тягостно, что я бы въ конецъ раззорился, еслибъ Богъ не одарилъ меня исскуствомъ дѣлать изъ ивоваго прутья корзинокъ, которыя мнѣ къ снесенію моей бѣдности, много вспомоществовали. Такъ могу ли я дать Королю вдругъ двадцать талеровъ?

Сверхъ сего новые Министры въ объясненіяхъ своихъ на указы упоминаютъ, чтобы собирать однѣ только поземельныя подати, по тому что все изъ земли даже и дождь происходитъ, и что для того съ однихъ только земныхъ плодовъ платить должно налоги.

Въ послѣднюю войну пришелъ ко мнѣ одинъ изъ ихъ приставовъ, требуя отъ меня три полуосмерика хлѣба и мѣшокъ бобовъ, что стоило двадцати талеровъ, на содержанїе производимой войны, которой причины я со всемъ не зналъ, а слышалъ только, что намъ отъ нее, кромѣ нарочитаго убытку, никакого выигрышу не будетъ. Но какъ у меня тогда ни хлѣба, ни бобовъ, ни денегъ не было; то власть законодательная и исполнительная повелѣла меня посадить въ темницу, а войну вели по возможности.

По освобожденїи моемъ изъ тюрьмы, имѣя на себѣ одну кожу да кости, встрѣтился я съ дебелымъ и румянымъ господиномъ, который ѣхалъ шестернею въ каретѣ. У него было шестеро лакѣевъ, изъ коихъ каждому давалъ онъ вдвое противъ моего доходу. Дворецкой его столь же румяной, какъ и онъ, получалъ отъ него по двѣ тысячи ливровъ, да кралъ ежегодно по двадцати тысячь. Сверхъ сего въ полгода на любовницу его изходило по сороку тысячь талеровъ. Я его знавалъ еще тогда, когда онъ былъ и меня бѣднѣе. И такъ онъ увидя меня въ такомъ состо-

нїи

янїи, во утѣшенїе говорилъ мнѣ, что онъ имѣетъ годичнаго доходу четыреста тысячь ливровъ. По етому вы, примолвилъ я, платите Государству по двѣсти тысячь на содержанїе выгодной для насъ войны, по тому что я имѣя сто двадцать ливровъ, повиненъ давать половину.

Я! съ удивленїемъ прервалъ онъ, чтобъ сталъ давать на Государственныя потребности! ты конечно дружокъ смѣешься надо мною. Мнѣ досталось наслѣдство послѣ моего дяди, который въ Кадиксѣ и Суратѣ нажилъ восемь миллїоновъ, и все мое богатство состоитъ въ однихъ векселяхъ и обязательныхъ письмахъ. Но какъ у меня нѣтъ ни на пядень земли, то я ничемъ Государству и не долженъ. А тебѣ братецъ за тѣмъ половину своего имѣнїя удѣлить надобно, что ты поземельный господинъ. Развѣ ты не знаешь, что еслибъ Генералъ Казначей потребовалъ отъ меня жакого ни есть вспоможенїя отечеству, то бы почли его за человѣка малоумнаго и счету незнающаго. Ибо все произходитъ изъ земли; а деньги и росписки не что иное, какъ обязательство обмѣна. Вмѣсто того, чтобы играя въ

банкЪ, послать на карту сто полуосмериковЪ ржи, сто быковЪ, тысячу барановЪ и двѣсти мѣшковЪ овса, ставлю я золото. ТакЪ подумай ты, не двойной ли бы то былЪ окладЪ, еслибЪ отЪ меня требовать еще стали денегЪ, когда уже одинакая подать наложена на сЪѣстные припасы, и не толи бы сїе значило, что сЪ одного быка двѣ кожи драть. Дядя мой продалЪ вЪ Кадиксѣ на два милїона твоего хлѣба, да на столькожЪ сукна, сдѣланнаго изЪ твоей шерсти, и за сей промѣнЪ получилЪ онЪ сто на сто; изЪ чего ты легко понять можешь, что онЪ досталЪ сїю прибыль отЪ тѣхЪ земель, сЪ коихЪ уже подати собирали; что онЪ купилЪ у тебя за десять копѣекЪ, то продалЪ вЪ Мексикѣ болѣе, нежели за пятьдесятЪ ливровЪ, и по уплатѣ всѣхЪ издержекЪ возвратился оттуда сЪ восемью миллїонами.

Теперь ты самЪ ясно видишь, какое ужасное было бы неправосудїе, еслибЪ у него требовать стали хотя нѣсколькихЪ полушекЪ сверхЪ заплаченныхЪ тебѣ десяти копѣекЪ. КогдабЪ двадцать нашлось таковыхЪ племянниковЪ, каковЪ я, коихЪ бы дяди вЪ удачливое время достали

стали себѣ барышей по восьми милліоновъ въ Мексикѣ, Буеносъ-Аерѣ, Лимѣ, Суратѣ или Пондишерѣ, да каждой бы изъ нихъ давалъ только по двѣсти тысячь въ долгъ Государству въ необходимыхъ его нуждахъ, то бы сія сумма составила четыре милліона. Ека пропасть! плати дружокъ подати, плати. Ты въ покоѣ довольствуешься чистымъ и наличнымъ доходомъ сорока талеровъ. Помогай отечеству, да приходи ко мнѣ обѣдать съ моими служителями.

Сія достопамятная рѣчь подала мнѣ поводъ ко многимъ размышленіямъ; однако ни мало меня не утѣшила.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

РАЗГОВОРЪ.

Съ Геометромъ или Землемѣромъ.

Случается иногда, что мы въ нѣкоторыхъ вопросахъ ни отвѣчать ни увѣрены быть не можемъ, а убѣжденными остаемся, когда еще насъ не оспорили, чувствуя внутренно сомнѣніе и сопротивность, возбраняющія намъ сказанному вѣрить. Такъ напримѣръ: Геометръ доказываетъ, что между Танген-

сомъ и кругомъ провести можно безчисленное множество кривыхъ линѣй, а ни одной прямой. Глаза твои и разсудокъ противное тому показываютъ. Геометръ на то важно отвѣчаетъ: сiе безконечности правило есть втораго роду. Тутъ ты молчишь, отходишь отъ него въ изумленiи, не понимаешь, что онъ говоритъ и ни мало ему не прекословишь.

По томъ спрашиваешь ты у достовѣрнѣйшаго Геометра, который тебѣ сiю тайну такъ открываетъ: мы полагаемъ говоритъ онъ, то, чему естественно быть не можно; какъ напримѣръ линѣя имѣетъ только длину безъ широты; также говоря въ физическомъ смыслѣ, невозможное есть дѣло, чтобы одна подлинная линѣя сквозь другую проницала, или чтобы одна подлинная прямая или кривая линѣя, между двумя взаимно касающимися истинными линѣями проходить могла. Сiе не что иное есть, какъ мысленная забава и воображаемая мечта; истиннаяжъ Геометрiя состоитъ въ томъ, чтобы измѣрять естественныя тѣла.

Симъ

Симъ истолкованїемъ премудраго Маѳематика былъ я крайне доволенъ.

Геометръ мой былъ гражданинъ любомудрой и часто въ хижинѣ моей удостоивалъ меня своимъ разговоромъ. Государь мой, говорилъ я ему нѣкогда, вы старались о просвѣщенїи Парижскихъ невѣжъ для вящшей пользы людей и благоденствїя жизни человѣческой; вы наставили Министра по скольку давать денегъ живущимъ процентами, смотря по лѣтамъ каждаго; вы подали средство, какъ пользоваться во всякомъ домѣ сего города водою, а чрезъ то избавили насъ отъ посмѣянїя и стыда слышать повседневной по воду крикъ и видѣть наконецъ отягченныхъ коромыслами женщинъ, на коихъ носятъ онѣ въ четвертое жилье по два вѣдра въ тридцать фунтовъ вѣсомъ воды; такъ скажите, прошу васъ съ приязни, сколько во Францїи считается народу?

Геометръ.

Сказываютъ, что около двацати миллїоновъ, на что и я соглашаюсь, ожидая подтвержденїя сему достовѣрному исчисленїю, которое хотя бы уже

и давно можно было сдѣлать; однако еще не здѣлано, для того, *что никто во всемъ разуменъ не бываетъ.*

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Сколько бы вы думали францїя имѣетъ десятинъ земли?

Геометръ.

Сто тридцать миллїоновъ, изъ коихъ половину почти составляютъ дороги, города, деревни, кустарники, топи, пески, безплодныя земли, безполезныя монастыри, сады, служащїе больше къ увеселенїю, нежели къ пользѣ, худыя и необработанныя поля. Но разсмотрѣвъ все сїе обстоятельно сказать можно, что не болѣе семидесяти пяти миллїоновъ квадратныхъ десятинъ. Однако положимъ восемьдесять миллїоновъ: ибо въ пользу отечества своего сколько бы ни дѣлать, никогда сдѣлать много не можно.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

А по многу ли съ каждой десятины получаютъ изъ году въ годъ хлѣба и другихъ всякаго роду сѣменъ, также вина, рыбы, дровъ, рудъ, скота, овощей, шерсти, шелку, молока и масла со всѣми проторами, не считая наложенной подати?

Геометръ.

Если съ каждой десятины получаютъ на двадцать на пять ливровъ, то и сего уже много. Однако для ободренія нашихъ согражданъ, станемъ считать, что каждая приноситъ на тридцать ливровъ: ибо иныя десятины даютъ по триста, а иныя только по три: и такъ среднее пропорціональное число между тремя и тремя стами будетъ тридцать, потому, что какъ ты самъ видишь, три содержится къ тридцати, такъ какъ тридцать къ тремъ стамъ. Правда, еслибъ много было десятинъ въ тридцать ливровъ, а въ триста весьма мало; то бы счетъ нашъ ни къ чему не годился.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Скажитежъ пожалуйте, сколько получить можно въ годъ наличными деньгами съ восьмидесяти милліоновъ десятинъ.

Геометръ.

Двѣ тысячи четыре ста милліоновъ ливровъ по нынѣшнему курсу.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Я читалъ помнится мнѣ, что *Соломонъ* одинъ имѣлъ двадцать пять тысячъ

сячь милліоновъ наличныхъ денегъ, а у насъ во Франціи не найдется подлинно и двухъ тысячь четырехъ милліоновъ ходячей монеты, хотя Франція, какъ мнѣ сказывали, гораздо богатче и обширнѣе Соломонова царства.

Геометръ.

Ето то и чудно: теперь у насъ въ Государствѣ не болѣе можетъ быть девяти сотъ милліоновъ ходячихъ денегъ, да и тѣхъ уже едва стаетъ на покупку съѣстныхъ припасовъ и для платы работникамъ. Одинъ талеръ тысячу разъ изъ крестьянскаго кармана переходитъ въ карманъ цѣловальника и сборщика.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Ето я понимаю. Но вы сказали, что у насъ считается двадцать милліоновъ народу старыхъ и малыхъ какъ мужескаго, такъ и женскаго полу, такъ по скольку достанется на человѣка?

Геометръ.

По сту двадцати ливровъ, или по сороку талеровъ.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Вы точно угадали мой доходъ. У меня теперь четыре десятины, съ коихъ

ихъ я, считая лѣта, *въ которыя онѣ были еще непаханы* съ тѣми, въ которыя плодъ приносить стали, получаю по сту двадцати ливровъ. Сумма невеликая.

Мнѣ кажется, что еслибъ земля раздѣлена была всѣмъ по ровну, какъ то было въ златомъ вѣкѣ, то бы всякъ не болѣе имѣлъ пяти луидоровъ.

Геометръ.

Да не болѣе по нашему счету, которой я еще нѣсколько увеличилъ. Таково то состоянiе человѣческое! Жизнь наша и имѣнiе весьма ограничены. Въ Парижѣ уравнивая людей одного съ другимъ, не болѣе живутъ двадцати двухъ или трехъ лѣтъ; при всемъ томъ имѣя только сто двадцать ливровъ на свои росходы; то есть изъ сихъ денегъ достаютъ себѣ пищу, одежду, жилище и домашнюю утварь.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Ахъ! въ чемъ я предъ вами такъ погрѣшилъ, что вы меня и жизни и имѣнiя лишаете? Не уже ли вы вправду думаете, что я не болѣе двадцати трехъ лѣтъ проживу, если у ближняго своего части не украду.

Геометръ.

Безспорно, а особливо въ Парижѣ. Однако изъ тѣхъ двадцати трехъ лѣтъ по крайней мѣрѣ вычести надобно десять лѣтъ твоего младенчества, по тому что младенчество не есть наслажденіе жизни, но только приуготовленіе къ оной. Оно также назваться можетъ преддверіемъ зданій, безплоднымъ древомъ и сумерками дня. Сверхъ сего отъ остальныхъ тринадцати лѣтъ убавь еще то время, которое у тебя во снѣ и скукѣ проходитъ, что не менѣе составитъ половины. И такъ остается тебѣ шесть лѣтъ съ половиною, которыя ты въ горести и печали, малой отрадѣ и надеждѣ провождаешь.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Боже мой! по вашему счету нѣтъ для спокойной жизни и трехъ лѣтъ!

Геометръ.

Я въ томъ не виноватъ. Природа о тваряхъ весьма мало печется. Есть насѣкомыя, которыя живутъ одинъ только день; однако родъ ихъ никогда не переводится. Она уподобляется тѣмъ великимъ Государямъ, которые для приведенія къ концу высочайшаго своего предпрія-

приятія о потерѣ сорока тысячь человѣкъ ни мало не заботятся.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Сорокъ талеровъ и три года жить! какимъ средствомъ можно бы по мнѣнію вашему отвратить сіи злополучія.

Геометръ.

Для жизни потребно, чтобы воздухъ въ Парижѣ былъ чище, люди бы менѣе ѣли, а болѣе трудились, матерябъ сами вскармливали собственными сосцами своихъ дѣтей и не боялися бы по пустому прививать имъ оспы. Что же касается до богатства, то нѣтъ другаго средства, какъ только жениться и производить дѣтей.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Какъ! развѣ въ томъ состоитъ спокойная жизнь, чтобы бѣдствіе свое соединять съ бѣдствіемъ другаго?

Геометръ.

Пять или шесть бѣдствій вмѣстѣ, снoснѣе бываютъ въ нашемъ состояніи. Если Богъ даруетъ тебѣ добрую жену, двухъ сыновей, да столькожъ дочерей,

то на столь малое семейство достанется тебѣ семь сотъ двадцать ливровъ, положивъ, что правосудіе ужè сдѣлано и что всякъ изъ васъ получаетъ по сту двадцати ливровъ доходу. Дѣти твои во младенчествѣ своемъ не будутъ тебѣ стоить ни копѣйки, а пришедъ въ возрастъ послужатъ тебѣ вмѣсто подпоры и взаимная ихъ помощь избавитъ тебя отъ всѣхъ проторовъ и убытковъ; по чему ты и станешь жить какъ благополучнѣйшій философъ, только бы вельможи, правящіе государствомъ по жестокосердію своему не драли съ каждаго изъ васъ ежегодно по сороку талеровъ. Однако то бѣда, что мы живемъ ужè не въ златомъ вѣкѣ, въ которомъ люди въ равенствѣ будучи рождены, равно пріятнымъ плодомъ непаханной еще тогда земли наслаждались. Нынѣ и то многово стоитъ, чтобъ каждому имѣть землю, приносящую сто двадцать ливровъ доходу.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Вы право въ конецъ насъ раззорите; теперь лишь только вы сказали, что гдѣ восемьдесятъ милліоновъ десятинъ нарочито доброй земли и двадцать милліоновъ народу, тамъ всякой

кой житель имѣть долженъ по сту двадцати ливровъ доходу, а теперь опять и тѣ у насъ отнимаете.

Геометръ.

Я считалъ по запискамъ златаго вѣка, а надлежало было класть по исчисленію желѣзнаго. Ибо есть много жителей, кои не болѣе десяти, а иные не болѣе четырехъ или трехъ талеровъ получаютъ; сыщется же около шести милліоновъ и такихъ, кои со всемъ ничего не имѣютъ.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Но такіе думать надобно съ голоду въ три дни умираютъ.

Геометръ.

Никакъ, тѣ, кои имѣютъ свои поля, заставляютъ ихъ у себя работать и съ ними дѣлятся. И изъ сего то платятъ они богослову, конфетчику, аптекарю, проповѣднику, комедіанту, стряпчему и извозщику. Ты сожалѣнія себя достойнымъ почитаешь, для того только, что годичной твой доходъ сто двадцать ливровъ, две-

надцатью франками убываетЪ по причинѣ подати; но посмотри на бѣдныхЪ солдатЪ, кровь свою за отечество проливающихЪ: они изЪ семидесяти трехЪ ливровЪ кладутЪ только вЪ день по четыре копѣйки и живутЪ весело вЪ складчинѣ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

ТакЪ по вашимЪ сказкамЪ безпричетный ЕзуитЪ вЪ пятеро болѣе солдата получаетЪ, не смотря на то, что сей гораздо болѣе вЪ присутствіи самого Короля оказалЪ услугЪ своему отечеству при Фонтенуа, Лофелтѣ и при осадѣ Фрибурга, нежели сколько почтенной отецЪ ВалеттЪ во всю свою жизнь.

ГеометрЪ.

Справедливѣе сего ничто быть не можетЪ. При томЪ всякой ЕзуитЪ получивЪ свободу болѣе проживаетЪ, нежели во сколько онЪ вЪ монастырѣ становился. Иные еще изЪ нихЪ весьма много понаживали денегЪ сочиненіями своими противЪ парламентовЪ, какЪ то почтенные отцы ПатульетЪ и НоноттЪ. ВсякЪ умудряет-

дряется въ нынѣшнемъ свѣтѣ: одинъ начальствуетъ надъ парчевыми фабриками, другой надъ фарфоровыми заводами, иной сочиняетъ оперы, другой пишетъ церковныя вѣдомости, третій мѣщанскія трагедіи или романы на Аглицкій вкусъ; и такъ содержатъ торгующихъ бумагою, чернилами, книгами и разнощиковъ, которыебъ безъ нихъ по міру ходить принуждены были. Симъ то образомъ наконецъ достаютъ сто дватцать ливровъ тѣ, кои сами собою ничего не имѣютъ, а чрезъ сіе и государство процвѣтаетъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Изрядное средство!

Геометръ.

Другаго нѣтъ нигдѣ. Бѣдные всегда пропитаніе имѣютъ отъ богатыхъ, и въ семъ то состоитъ источникъ промысла и торговли. Чемъ болѣе гдѣ народъ рукомесленъ, тѣмъ болѣе отъ иноземцовъ наживается. Ежели бы мы у другихъ для равновѣсія торговли ежегодно по десяти милліоновъ получали; то

то бы въ двадцать лѣтъ въ государствѣ нашемъ болѣе двухъ сотъ миллïоновъ оставалось, изъ коихъ по справедливости надлежало бы удѣлить каждой душѣ по десяти франковъ: сирѣчь купцы въ надеждѣ получить бóльшую прибыль, давалибъ тогда бѣднымъ десятью франками болѣе, нежели сколько теперь даютъ. Однако купечество наше также ограничено, какъ и плодородïе земли, инако прогрессïя былабъ безконечна. Сверхъ сего еще и то сомнительно, чтобы равновѣсный торгъ былъ для насъ всегда выгоденъ: ибо случается, что мы иногда и теряемъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Я слышалъ также, что часто поговариваютъ о населенïи государства. Но чтобы воспослѣдовало тогда, еслибъ отечество наше такъ было населено, что вмѣсто двадцати, имѣлобъ сорокъ миллïоновъ народу?

Геометръ.

То, чтобы каждаго росходъ состоялъ токмо въ двадцати талерахъ или потребнобъ было, чтобы земля вдвое при-

приносила плодовъ, нежели какъ теперь приноситъ, или чтобы число бѣдныхъ удвоилось; инакобъ надлежало имѣть вдвое болѣе рукомесленниковъ, чтобы вдвое отъ иностранцовъ обогащаться, либо отослать половину народа въ Америку, либо чтобъ одна половина другую пожирала.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

О! такъ станемъ лучше довольствоваться по соизволенію Божію двадцатью милліонами народа и сто двадцатью ливрами поголовныхъ денегъ. Однако такое состояніе весьма горестно и желѣзный вашъ вѣкъ чрезмѣрно жестокъ.

Геометръ.

Въ лучшемъ состояніи нѣтъ ни единаго государства, а въ хуждшемъ еще весьма много. Вѣришь ли ты, что жители сѣверныхъ странъ и ста двадцати лировъ не имѣютъ? Въ протчемъ если бы они симъ равенствомъ наслаждались; то бы Гунны, Готѳы, Вандалы и Франки не убѣгали своего отечества и не искалибъ оружіемъ и огнемъ другаго себѣ жилища.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Если я не пресѣку вашей рѣчи, то вы скоро со всемъ меня увѣрите, что я еще со сто двадцатью ливрами благополученъ.

Геометръ.

Конечно, когда только ты себя благополучнымъ почитать станешь, то неотмѣнно такимъ и сдѣлаешся.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Не можно себя такимъ почитать, каковымъ самымъ дѣломъ не бываешь, развѣ будешь безуменъ.

Геометръ.

Но я тебѣ ужѐ говорилъ, что если ты жить хочешь спокойно и счастливѣе, нежели теперь; то надобно тебѣ жениться, и жениться на такой, которая бы столько же имѣла доходу, сколько и ты; то есть четыре десятины, каждую въ десять талеровъ: ибо древнїе Римляне имѣли токмо по три. Дѣти же твои, когда не полѣнятся, то и сами по столькуже достанутъ, работая на другихъ.

ЧЕЛО-

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Слѣдовательно они не могутъ имѣть денегъ безъ ущербу другаго.

Геометръ.

Сей законъ есть всѣмъ народамъ общїй, и люди тѣмъ токмо и живутъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Такъ по етому и я и жена моя обязаны будемъ давать законодательной и исполнительной власти половину своей жатвы, а государственные Министры похищать станутъ половину всего того, что мы въ потѣ лица своего для пропитанїя бѣдныхъ своихъ дѣтей соберемъ, прежде нежели они сами свое имѣть въ состоянїи будутъ. Но скажите пожалуйте, по скольку новые Министры въ государеву казну вносятъ?

Геометръ.

Ты платишь двадцать талеровъ съ четырехъ десятинъ, которыя тебѣ сорокъ приносятъ, другой богатѣе тебя, имѣя четыреста десятинъ, дастъ двѣ тысячи талеровъ, по сему новому окладу, а восемьдесятъ миллїоновъ де-

сятинъ принесутъ въ годъ государю тысячу двѣсти милліоновъ ливровъ или четыреста милліоновъ талеровъ.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Мнѣ кажется ето не сбыточнымъ и со всемъ невозможнымъ дѣломъ.

Геометръ.

Ты конечно правду говоришь, и невозможность сія ясно доказываетъ, что новые Министры наши въ разсужденіяхъ своихъ имѣютъ такой порокъ, на которомъ они основываются.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Нѣтъ ли еще какого доказательства и на сіе ужасное неправосудіе, чтобы драть съ меня половину моего хлѣба, пеньки, овечей шерсти и протч: а никакого не требовать вспоможенія отъ тѣхъ, кои по десяти, двадцати и тридцати тысячъ ливровъ понаживали доходу, то моею шерстью, изъ коей они сукна валяли, то пенькою, изъ коей ткали полотно, то на конецъ хлѣбомъ, которой гораздо дороже продавали, нежели какъ покупали у меня?

Гео-

Геометрѣ.

Неправосудїе сего правительства столькоже очевидно какѣ и ложной его счетѣ. Надобно ободрять рукомесло сѣ тѣмѣ, чтобы оно вспомоществовало государству. Сїи то рукодѣлїя безѣ сомнѣнїя убавили и у тебя часть отѣ твоихѣ ста двадцати ливровѣ, и продавая тебѣ рубахи и платье вѣ двадцать кратѣ дороже, нежели во сколькобѣ онѣ тебѣ стали, ежелибѣ ты ихѣ самѣ дѣлалѣ, себѣ оную присвоили. фабрикантѣ обогатясь чрезѣ тебя, правду сказать, давалѣ работникамѣ своимѣ плату, которые бы сами собою ничего не имѣли; однако повсегодно удерживалѣ у себя такую сумму денегѣ, отѣ которой онѣ теперь тридцать тысячь доходу получаетѣ. И такѣ онѣ досталѣ сїе богатство на твой счетѣ; слѣдовательно какѣ бы ты дорого хлѣбѣ свой ему ни продавалѣ; то никогда вѣ состоянїи не будешь замѣнить то, что онѣ чрезѣ тебя нажилѣ, по тому что когда ты цѣну возвысишь на сѣѣстные припасы, то онѣ дешевѣе выписывать оныя станетѣ изѣ другихѣ земель. Справедливость моихѣ словѣ особливо доказывается тѣмѣ, что онѣ чрезѣ

всю

всю свою жизнь имѣетъ тридцать тысячь ливровъ доходу, а ты всегда остаешься при сорокѣ талерахъ, которые у тебя не токмо никогда не приумножаются, но еще часто и убываютъ.

По сему необходимость и правосудіе требуютъ, чтобы проворный промышленикъ болѣе платилъ, нежели грубой крестьянинъ; что также и о казенныхъ откупщикахъ разумѣть должно. Ибо прежде сего давалъ ты подушнаго окладу по двенадцати франковъ, а теперь именитые наши Министры берутъ съ тебя по двадцати талеровъ. Изъ тѣхъ двенадцати франковъ получалъ откупщикъ по десяти копѣекъ. И такъ, если въ провинціи твоей считается до пяти сотъ тысячь душъ; то годовой его доходъ состоять будетъ изъ двухъ сотъ пятидесяти тысячь ливровъ. Положимъ, что онъ для своего содержанія издерживаетъ по пятидесяти тысячь, то довольно извѣстно, что въ десять лѣтъ накопитъ онъ до двухъ милліоновъ. Сего ради справедливѣе ничто быть не можетъ, какъ когда и онъ по возможности своей платить станетъ подать; въ противномъ же случаѣ все будетъ превратно и испровержено.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Крайне благодарю васЪ за то, что вы и сего сборщика обложили; ето меня много веселитЪ. Но когда онЪ до такой степени довелЪ свое излишество, то какЪ бы и мнѣ приумножить маленькое свое имѣнiе?

ГеометрЪ.

Я вѣть тебѣ говорилЪ, что женись, работай и старайся собирать болѣе земныхЪ плодовЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Я полагаю, что я ужѐ весьма прилѣжно работалЪ, что тоже самое сдѣлалЪ и всякой другой селянинЪ, и что власть законодательная и исполнительная превеликую собрала подать; такЪ много ли по прошествiи года выиграетЪ отЪ того народЪ?

ГеометрЪ.

Ничего, если онЪ выгоднаго сЪ иностранцами торгу имѣть не будетЪ; но жить станетЪ спокойнѣе, нежели теперь. Тогда бы всякЪ по состоянiю своему болѣе противЪ прежняго имѣлЪ одежды,

ру-

рубахъ и утвари домашней. Въ государствѣ болѣе ходило бы денегъ и жалованье со временемъ почти по числу сноповъ хлѣба, овечьей шерсти, воловьихъ, оленьихъ и козьихъ кожъ, также и давленнаго въ тискахъ винограда приумножалось. Государюбъ тогда болѣе платили наличными деньгами; а Государь болѣебъ жаловалъ всѣмъ находящимся въ его службѣ; но ни одного бы излишняго талера не оставалось въ государствѣ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Что же бы оставалось въ годъ для властей?

Геометръ.

Тоже бы ничего, что и со всѣми имъ подобными бываетъ; ибо они денегъ не копятъ; а имѣлибъ они пищу, одѣяніе, жилище и всѣ потребныя украшенія, какъ и всякой человѣкъ по своему званію. Въ протчемъ еслибъ они деньги собирать стали, то бы въ государствѣ по стольку оныхъ убывало въ росходѣ, по скольку у нихъ оставалось, и на конецъ сколь бы много сороковъ талеровъ

въ

вЪ сундукахЪ ихЪ хранилось, столь бы много обнищало людей.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

По етому ГенрихЪ IV. былЪ Государь неправосудный и грабитель народа; ибо мнѣ сказывали, что онЪ хранилЪ вЪ Бастилѣ болѣе пятидесяти милліоновЪ.

Геометръ.

НикакЪ, сей Государь сколь былЪ храбрЪ, столь добродѣтеленЪ и премудрЪ. ОнЪ предпринималЪ праведную войну и для оной наполнилЪ сундуки свои двадцатью двумя милліонами, а другіе двадцать милліоновЪ употребилЪ для пользы государства, чрезЪ что и избавилЪ свой народЪ вЪ военное время отЪ потери болѣе нежели ста милліоновЪ. ОнЪ нѣкоторымЪ образомЪ предвидѣлЪ успѣхи свои противу неприятеля, которой равныхЪ не имѣлЪ предосторожностей; изслѣдованной его счетЪ, удивительно найденЪ вЪ его пользу. Двадцать два милліона лежачей казны ясно доказывали, что государство изобиловало тогда на двадцать на два милліона

на земныхъ даровъ ; по чему и жилъ всякъ безъ нужды.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Старикъ мой правду говорилъ, что при Герцогѣ Суллѣ всякъ былъ по состоянїю своему гораздо богатѣе, нежели при новыхъ министрахъ , которые наложивъ одинакую подать, берутъ у меня съ одного сорока , двадцать талеровъ. Но скажите пожалуйте , есть ли въ свѣтѣ народъ , которой бы наслаждался благодѣянїемъ сего одинакаго налога?

Геометръ.

Нѣтъ ни одного богатаго. Агличане народъ весьма важный , не могли удержаться отъ смѣха услыша , что ученые люди между нами выдумали такое правительство. Китайцы собираютъ пошлину со всѣхъ купеческихъ кораблей въ Кантонъ приѣзжающихъ ; а Голландцы, торгующїе въ Японѣ подъ видомъ не Христїанъ, платятъ оную въ Нангазакѣ. Одни только Лапландцы и Самоѣды даютъ одинакую подать соболями ; республика же Сентъ Марина платитъ одну десятину для благосостоянїя своего общества.

Есть

Есть еще народъ въ Европѣ мужествомъ и правотою славный, который живетъ безъ всякихъ налоговъ и называется Гелветскимъ. Но послушай, что съ нимъ приключилось: сей народъ поселился на мѣстахъ Герцогамъ Австрїйскимъ и Зеринскимъ принадлежащихъ; малые Кантоны имѣютъ народное правленїе и весьма бѣдны; всякой обыватель даетъ самую умѣренную подать на потребности малой своей республики; но богатые на противъ того повинны платить поземельную дань Герцогамъ Австрїйскимъ и другимъ помѣщикамъ. Протестантскїе округи вдвое почти богатѣе Кантоновъ католическихъ, по тому что правительство пользуется тамъ монастырскими доходами. Бывшїе подданные Ерцгерцоговъ Австрїйскихъ, Герцоговъ Зеринскихъ и монаховъ зависятъ нынѣ токмо отъ своего отечества, и оному платятъ тѣже самыя пошлины и десятины, какїя прежде платили своимъ помѣщикамъ; а какъ всѣ подданные во обще весьма малую отправляютъ торговлю; то и торги никакимъ не подвержены налогамъ, выключая небольшїя пошлины за мѣсто перегрузки товаровъ. Народъ храбро-

 стїю

стїю своею служитъ по нѣскольку лѣтъ иностраннымъ Государямъ, и тѣмъ отечество свое обогащаетъ на нашъ счетъ. Сей образецъ есть столь же рѣдкїй между просвѣщенными людьми, какъ и одинакая ваша подать, изобрѣтенная новыми Законодавцами.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Слѣдовательно Швейцары по божественному праву не теряютъ половины своего имѣнїя, и кто имѣетъ четыре коровы, тотъ двухъ государству не даетъ.

Геометръ.

Безъ сомнѣнїя нѣтъ. Въ одномъ кантонѣ съ тринадцати бочекъ вина даютъ одну, а въ другомъ платятъ двенадцатую долю, а достальнымъ пользуются сами.

Человѣкъ въ 40 талеровъ.

Ахъ! когда бы и меня сдѣлали Швейцаромъ. О проклятая подать, подать одинакая и несправедливая! ты то меня по мїру ходить принудила; но три или четыре ста разныхъ налоговъ. коихъ и имена затвердить трудно съ боль-

шимъ

шимъ ли правосудіемъ и честностію наложены? Былъ ли когда либо Законоположникъ, который бы созидая свое государство, помышлялъ учредить совѣтниковъ государя, мѣрятелей уголья и лѣсу, досмотрщиковъ вина и браковщиковъ свиней и соленаго масла? Или чтобы содержать изъ бездѣльниковъ армію, вдвое многочисленнѣе арміи Александровой, которою шестьдесятъ предводительствуя полководцовъ, то данниками дѣлаютъ чужихъ народовъ, то громкія одерживаютъ побѣды, то приводятъ плѣнниковъ и жертвуютъ ими иногда на воздухѣ, посреди дсчанаго маленькаго Ѳеатра, какъ то дѣлали древніе скиѳы, по сказкамъ моего священника.

Таковое узаконеніе, хотя и много стоило вопля и слезъ, но не лучше ли было того, которое вдругъ тихо и скромно очищаетъ у меня половину моего имѣнія; а если разсмотрѣть подробно, то при старомъ откупщикѣ болѣе трехъ четвертей похищало?

Геометръ.

Illiacos intra muros Peccatur et extra;
Est modus in rebus, caveas ne quid nimis.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Я учился нѣсколько Исторїи и Геометрїи, а по латыни право ничего не разумѣю.

Геометръ.

Ето такъ почти разумѣть должно: *съ обѣихъ сторонъ не безъ грѣха, держись средины, и ничего съ излишкомъ не дѣлай.*

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Да, правда ничего съ излишкомъ . . . Я самъ въ такихъ обстоятельствахъ; у меня нѣтъ и того, чтобъ было довольно.

Геометръ.

Я согласенъ, что и ты и я и отечество наше съ голоду погибнемъ, если новое правительство хотя два года продолжится; однако надобно имѣть надежду, что Богъ сжалится надъ нами.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Съ надеждою жизнь проводятъ, съ надеждою идутъ и во гробъ. Прощайте, государь,

государь мой, ваши наставленія до того довели, что у меня сердце ноетъ.

Геометръ.

Такой плодъ отъ науки часто бываетъ.



ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

съ

Кармелитскимъ монахомъ.

Поблагодаривъ господина профессора Академіи Наукъ за данныя имъ мнѣ наставленія, пошелъ я отъ него весьма закашлявшись и хваля провидѣніе, произнесъ однако сквозь зубы сіи горестныя слова: *двадцать талеровъ для пропитанія* и *жить только двадцать два года.* Ахъ! лучше бы намъ жить на свѣтѣ еще менѣе, когда жить толь злополучно!

Между тѣмъ нечувствительнымъ почти образомъ подошелъ я къ великолѣпному двору. Голодъ тогда томить меня начиналъ, денегъ же со мною ни сотой доли не было той суммы, кото-

рая законно каждой душѣ принадлежитъ. И такъ какъ скоро я узналъ, что дворъ сей былъ монастырь почтенныхъ старцевъ, босоногихъ Кармелитовъ; то лаская себя несомнѣнною надеждою, говорилъ самъ съ собою: когда сіи святые Отцы толь смиренномудры, что ходятъ босы; то они конечно сжалясь надъ моею бѣдностію, меня накормятъ.

Въ сихъ мысляхъ позвонилъ я въ колокольчикъ. Вышедшій оттуда старецъ спросилъ меня, чего тебѣ надобно, сынъ мой? Хлѣба, батюшка, отвѣчалъ я: новые указы всего меня лишили. Но онъ на то отвѣтствовалъ, сынъ мой! мы сами милостинку просимъ; слѣдовательно дѣлать подаянія другимъ намъ не изъ чего. Какъ, священный вашъ уставъ, сказалъ я, запрещаетъ вамъ имѣть башмаки, а вы имѣете домъ и прищу непостыдной и не хотите меня накормить! Правда, сынъ мой! мы ходимъ безъ башмаковъ, что не великаго требуетъ иждивенія; однако у насъ столькоже зябнутъ ноги, сколько и руки; и хотя бы нашъ уставъ не дозволялъ намъ и хребта прикрывать, то бы насъ морозъ и тутъ не пронялъ.

Что же касается до нашего великолѣпнаго дома, то намъ не трудно было его выстроить, за тѣмъ, что мы ежегодно собираемъ въ сей же улицѣ съ нашихъ другихъ домовъ по сту тысячь ливровъ.

Ахъ Боже мой! вы получая по сту тысячь ливровъ доходу, допускаете меня съ голоду умирать. Развѣ вы даете изъ оныхъ по пятидесяти тысячь новому правительству? Боже избави насъ давать и полушку. Власть законодательная и исполнительная собираетъ подати съ однѣхъ токмо произрастѣнїй земли, которую трудолюбивый земледѣлецъ въ пыли и въ потѣ затвердѣлыми отъ мозолей руками обработываетъ. Мы выстроили свои домы изъ получаемыхъ милостынь, которыя намъ теперь по сту тысячь приносятъ. А какъ подаянїе сїе состояло изъ земныхъ плодовъ, съ коихъ одинакая подать взята была, то вторичному уже налогу ни мало оно не подлежитъ. Отъ сего то подаянїя правовѣрные царствїе небесное получили, которые обогащая насъ, сами претерпѣвали нищету. Однако мы еще и теперь просить милостыню не перестаемъ и

 ста-

стараемся оную собирать и въ предмѣстіи Сентъ Жерменя , дабы чрезъ то вѣрныхъ Христіанъ святымъ уподобить. Выговоривъ сіи слова чуть было мнѣ носу не прищемилъ дверью.

Послѣ сего шелъ я мимо корпусу сѣрыхъ мускетеровъ , изъ коихъ одному разсказалъ я свое приключеніе. Они меня накормили и дали талеръ денегъ. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ предлагалъ зажечь монастырь ; но другой, поразумнѣе перваго , утверждалъ , что еще не время и что надобно обождать два или три года.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

АУДІЕНЦІЯ.

Г. Генерала Казначея.

Такимъ образомъ съ однимъ моимъ талеромъ пошелъ я бить челомъ къ Генералу Казначею, къ коему доступъ въ тотъ день былъ невозбраненъ.

Передняя его наполнена была всякаго званія людьми. Между протчими находились тамъ и такіе, у коихъ лице

гораздо

гораздо полнѣе, брюхо отвѣсистѣе и видъ надменнѣе, нежели у моего милліоннаго знакомца. Я къ нимъ подойти не смѣлъ и стоялъ такъ, что они меня видѣть не могли.

Тутъ монахъ, сущій десятинщикъ, просилъ на своихъ согражданъ, которыхъ онъ называлъ своими крестьянами. Онъ уже имѣлъ большую половину доходу, нежели сколько всѣ его прихожане, и кромѣ сего помѣстье. Требованіе его состояло въ томъ, чтобы подданные его, подѣлавъ съ крайнимъ трудомъ изъ пустырей виноградные сады, давали ему десятину съ вина, что считая трудъ, подставки, бочки и погреба большую часть цѣны самаго винограда составитъ. Но поелику десятины, говорилъ онъ, собираются по божественному праву; то я не болѣе требую отъ своихъ крестьянъ, какъ четверть ихъ имѣнія. Министръ въ отвѣтъ ему сказалъ, что онъ довольно понимаетъ, сколь онъ человѣколюбивъ.

Тогда главный откупщикъ, человѣкъ весьма знающій въ своемъ дѣлѣ, представлялъ Министру, что деревенька сія ничего не въ состояніи дать се-

му старцу, по тому что онъ прошлаго года, принудивъ своихъ прихожанъ заплатить тридцать два налога съ ихъ вина, а по томъ взявъ съ нихъ пеню за то, что они съ излишкомъ оное употребляли, привелъ ихъ въ крайнее раззоренїе. Я, примолвилъ онъ, велѣлъ разпродать ихъ скотъ и домашнюю утварь, однако они еще мнѣ и тутъ должными остались, и для того я на требованїе почтеннаго отца дѣлаю возраженїе.

Вы имѣете право, говорилъ Министръ, быть его соперникомъ, имѣя равную съ нимъ къ ближнему любовь, и я похваляю вашу добродѣтель.

По немъ приступилъ третїй, также чернецъ и помѣщикъ, коего крестьяне состояли въ кабальномъ рабствѣ. Онъ ожидалъ опредѣленїя о полученїи наслѣдства вертопрашнаго Парижанина, который живучи по неосторожности въ домѣ, подлежащемъ сему раболѣпствїю и находящемся въ помѣстїи сего Iерея, по прошествїи года и одного дня скончался. Чернецъ ссылаясь на божественное право, требовалъ всего его имѣнїя себѣ въ наслѣдство.

Ми-

Министръ нашелъ въ семъ старцѣ столь же нѣжное и правосудное сердце какъ и въ двухъ первыхъ.

Четвертый былъ откупщикъ дворцовыхъ вотчинъ. Сей подалъ достохвальную промеморію, которою онъ оправдался въ томъ, что пустилъ по міру двенадцать семей, кои наслѣдовали имѣніемъ или послѣ своихъ дядей и тетокъ, или послѣ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ. Надлежало заплатить пошлину. Откупщикъ доказывалъ имъ великодушно, что онѣ не довольно цѣнили свое наслѣдство, и что оно гораздо больше стоило, нежели какъ онѣ объ немъ думали; и по тому наложилъ на нихъ пеню втрое больше надлежащей, и чрезъ то приведъ цѣлыя семейства до крайности, начальниковъ оныхъ заключилъ въ темницу, а наилучшіе ихъ пожитки купилъ самъ безданно и безпошлинно.

Сему Генералъ Казначей сказалъ слова, мало правосудія въ себѣ заключающія; то есть: euge откупщикъ, bone et fidelis, quia ſupra pauca fuisti fidelis; главнымъ откупщикомъ te conſtituam

stituat. Однако послѣ того на ухо молвилъ стоявшему возлѣ него Рекетмейстеру: надобно будетъ прижать къ ногтю сихъ священныхъ и сихъ свѣтскихъ піявицъ. Время уже помогать народу, которому безъ нашего попеченія и нашей правоты на семъ свѣтѣ жить будетъ нѣчемъ.

Послѣ сего глубокомысленныя особы стали предлагать новыя выдумки; одинъ говорилъ, чтобы собирать подать съ разума, утверждая, что всякъ рачительно уплатить оную стараться будетъ, по тому что слыть дуракомъ никто не захочетъ: но министръ ему на сіе сказалъ, что онъ его перваго изъ подати изключаетъ.

Другой предлагалъ, чтобы наложить одинакую подать на пѣсни и смѣхъ, вѣдая, что Французы, будучи самой веселой въ свѣтѣ народъ, первое находятъ увеселеніе въ пѣсняхъ. Но министръ примѣтивъ, что съ недавнаго времени забавныхъ пѣсенъ болѣе уже не сочиняютъ, опасался, чтобы для избѣжанія подати вся Франція не заважничала.

По-

По томъ подошелъ честный и неглупый гражданинъ : сей совѣтовалъ вносить въ казну втрое больше , собирая съ народа въ трое менше. Но министръ совѣтовалъ ему поучиться ариѳметикѣ.

Четвертый отъ усердія доказывалъ , что Государь не болѣе семидесяти пяти милліоновъ собирать можетъ, а что онъ на противъ того обѣщается давать по двѣсти двадцати пяти милліоновъ. Однако министръ сказалъ ему : вы меня тѣмъ крайне обяжете, когда мы уплатимъ государственные долги.

На конецъ прибылъ повѣренный изобрѣтателя новаго правительства , который учредивъ оное такъ , что всѣ наши земли, въ силу божественнаго права, подсудны оному стали, вноситъ въ казну тысячу двѣсти милліоновъ. Я его узналъ по тому, что онъ былъ тотъ самой , который меня посадилъ въ тюрьму за двадцать талеровъ. Тутъ я тотъ часъ , павъ къ ногамъ Генерала Казначея , просилъ о правосудіи ; но онъ посмотрѣвъ на меня громко

ко разсмѣялся и говорилъ мнѣ : ето дружокъ надъ тобою подшутить хотѣли. По томъ приказалъ симъ сквернымъ насмѣшникамъ , за претерпѣнной мною ущербъ, заплатить мнѣ сто талеровъ , и изключить во все изъ подати. Да благословитъ васъ Богъ , сказалъ я ему , за такую вашу милость.

ПИСЬМО
къ
человѣку въ 40 талеровъ.

Не смотря на то , что я въ трое богатѣе тебя , сирѣчь , хотя имѣю триста шестьдесятъ ливровъ доходу; однако ни мало не гордясь своимъ богатствомъ, пишу къ тебѣ какъ равный къ равному.

Я читалъ повѣствованіе о твоемъ несчастіи и о правосудіи, оказанномъ тебѣ господиномъ Генераломъ Казначеемъ , съ чемъ тебя и поздравляю ; но читалъ также къ несчастію моему и такъ называемую книгу Безкорыстнаго

Барышника не смотря на вдохновенное мнѣ симъ именемъ отвращенїе, которое многимъ людямъ кажется, что само себѣ противурѣчитъ. Сей гражданинъ похищаетъ у тебя двадцать талеровъ, а у меня шестьдесятъ ливровъ, полагая на содержанїе каждаго по сту франковъ; другой же на противъ того человѣкъ также не беззнатенъ, возвышаетъ нашъ приходъ до ста пятидесяти ливровъ, изъ чего заключаю я, что Геометръ твой помѣтилъ прямо на средину. Онъ не изъ тѣхъ именитыхъ бояръ, которые однимъ почеркомъ пера населяютъ Парижъ миллїонами народа, и заставляютъ васъ имѣть въ государствѣ тысячу пятьдесятъ миллїоновъ гремящей монеты, не смотря на понесенный нами въ послѣднюю войну уронъ.

Но какъ не безъизвѣстно мнѣ, что ты не изъ послѣднихъ чтецовъ, то я ссужаю тебя книгою называемою Казначей Гражданинъ; однако прошу не во всемъ на него полагаться, по тому что онъ ссылается на завѣщанїе великаго Министра Колберта, а того не знаетъ, что оно не что иное есть, какъ смѣшный вздоръ,

выдуманный Гасїеномъ Куртилломъ; приводитъ въ примѣръ десятины Маршала Вобана, а того не вѣдаетъ, что онъ Буасгилбертовы; утверждается также и на завѣщанїи Кардинала Ришелье, а того не знаетъ, что оно принадлежитъ Аббату Бурзенсу. По его словамъ сей Кардиналъ насъ увѣряетъ, *что во время дороговизны въ говядинѣ солдатамъ жалованья прибавляютъ*; однако при его Министрѣ въ говядинѣ была ужасная дороговизна, а прибавки солдатамъ никакой не бывало; несправедливость его, не упоминая о другихъ безчисленныхъ доказательствахъ, тѣмъ наипаче подтверждается, что сїя книга, какъ скоро на свѣтъ появилась, тотъ часъ признана подложною; и что по томъ будучи приписана самому Кардиналу, не болѣе ему принадлежитъ, какъ и завѣщанїе, Кардиналу Алберону и Маршалу де Беллиль, изданныя на ихъ имена.

Убѣгай во всю свою жизнь духовныхъ и системъ. Я отъ нихъ также пострадалъ, какъ и ты; и если нынѣшнїе Солоны и Ликурги надъ тобою подшутили, то истинно новые Триптоломы со всемъ меня осмѣяли, такъ что

что я было съ голоду погибъ, еслибъ не маленькое наслѣдство, отъ котораго я нѣсколько поисправился.

Я имѣю сто двадцать десятинъ пахотной земли, которая хотя и лежитъ въ самой лучшей странѣ, однако весьма неплодородна. Всякая десятина приноситъ мнѣ только на одинъ талеръ или 60 коп. прибыли. Какъ скоро увидѣлъ я въ дневныхъ запискахъ, что славный земледѣлецъ изобрѣлъ новую машину для посѣва хлѣба грядами такъ удачно, что отъ малаго количества сѣменъ собиралъ онъ весьма много хлѣба, то не медля ни мало взялъ денегъ въ займы, купилъ малую машину и вспахалъ грядами землю. Однако пропали мои деньги и трудъ, также какъ и у сегоименитаго земледѣльца, который уже болѣе на грядахъ не засѣваетъ.

Несчастїе мое побудило меня читать Экономической дневникъ, который продается въ Парижѣ у Будота. Тутъ попался мнѣ опытъ остроумнаго Парижанина, который для забавы велѣлъ вспахать свой цвѣтникъ пятнадцать разъ, и вмѣсто того, что прежде онъ сажалъ на

немЪ тюльпаны, посѣялЪ хлѣбЪ, отЪ чего и имѣлЪ преизобильную жатву. Я досталЪ еще денегЪ и для полученія двойныя жатвы, вЪ разсужденіи сего почтеннаго Парижанина, который первымЪ основаніямЪ землед ѣлія научился вЪ операхЪ и комедіяхЪ, разсудилось мнѣ вспахать землю вЪ двое противЪ него; и вотЪ я какЪ наставленіемЪ его и примѣромЪ обогатился.

Четыре раза только обработывать землю вЪ моей палестинѣ невозможное есть дѣло, по тому что суровость климата и незапныя перемѣны погодЪ того дѣлать не дозволяютЪ; сверьхЪ сего и претерпѣнное мною несчастіе вЪ посѣвѣ на грядахЪ хлѣба по образцу сего славнаго земледѣльца, о коемЪ я выше упомянулЪ, заставило меня разпродать всѣхЪ моихЪ лошадей. И такЪ я велѣлЪ обработывать свои сто двадцать десятинЪ всѣми сохами, которыя токмо на четыре версты вЪ околоткѣ найти могЪ. За три боронвбы каждой десятины заплатилЪ двенадцать ливровЪ; что все за ничто и пропало, по тому что надлежало каждую боронитв тридцать разЪ; слѣдовательно всякая десятина стала мнѣ во сто двадцать, а всѣ

вмѣ-

вмѣстѣ въ четырнадцать тысячь четыреста ливровъ. Жатва моя, которая въ обыкновенной годъ давала мнѣ до трехъ сотъ четвертей, правду сказать принесла тогда до трехъ сотъ тридцати, каждую въ двадцать ливровъ, что составитъ шесть тысячь шесть сотъ ливровъ. И такъ я всего на все потерялъ семь тысячь восемь сотъ ливровъ; да полно еще солома осталась.

Симъ образомъ я было въ конецъ разорился, еслибъ не старая тетушка, которую искусный врачь философствуя надъ своими лѣкарствами толь же хорошо какъ и я надъ своимъ земледѣлїемъ, отправилъ на тотъ свѣтъ.

Послѣ сего кто бы повѣрить могъ, что я еще былъ столь слабъ, что дался въ искушенїе дневнымъ запискамъ Будота? Сей добродѣтельный человѣкъ по окончанїи уже всѣхъ моихъ злополучїй прямый было мнѣ открылъ путь къ блаженству. Въ собранныхъ его сочиненїяхъ начиталъ я, что, дабы имѣть четыре тысячи доходу отъ артишоковъ, надобно съ начала поло-

жить на нихъ четыре тысячи ливровъ. И самымъ дѣломъ Будотъ возвратилъ бы мнѣ то артишоками, что я потерялъ въ посѣвѣ хлѣба. Однако что изъ того возпослѣдовало? Я издержалъ четыре тысячи ливровъ, а артишоки крысы поѣли, по чему въ околодкѣ нашемъ всякъ надо мною смѣялся какъ надъ дїяволомъ папафигуеромъ.

Я писалъ о семъ къ Будоту съ крайне грозным выговоромъ, но онъ вмѣсто всего отвѣта еще въ дневникѣ своемъ на мой счетъ потѣшился, безстыдно утверждая, что карамвы рождены не красными, по чему я принужденъ былъ послать къ нему свидѣтельство стараго Гвадалупскаго намѣстника, состоящее въ томъ, что Богъ равно Караивовъ создалъ красными какъ и Араповъ черными. Но сїя маленькая побѣда ни мало не возпрепятствовала мнѣ потерять все до послѣдней копѣйки изъ наслѣдства моей тетки, по тому что много вѣрилъ новымъ системамъ. И такъ, любезный другъ, я тебѣ еще напоминаю берегись площадныхъ наставниковъ.

Но-

Новая скорбь отъ Новыхъ Системъ

Сія малая статья взята изъ рукописей стараго пустынника.

Мнѣ кажется, что если добрые граждане находятъ удовольствіе въ правленіи государствъ и принятіи на себя царскихъ достоинствъ, и если иные почитаютъ себя за Трипполемовъ и Церeръ, то есть между ими и толь высокопарные, которые безъ всякихъ околичностей заняли бы и Божеское мѣсто, и единымъ почеркомъ пера созидали бы вселенную, равно какъ и Богъ отъ вѣка единымъ все устроилъ словомъ.

Первый, который предсталъ къ обожанію моему, былъ нѣкто изъ Өалетова потомства, именемъ Теліамидъ; сей открылъ мнѣ, что горы и человѣческой родъ произведены морскими водами. Въ началѣ представилъ онъ мнѣ прекрасныхъ морскихъ людей, сдѣлавшихся потомъ земноводными, коихъ прекрасный и раз-

развилистый плїоскЪ мало по малу премѣнился вЪ лядвею и голень. Превращенія Овидія содержалЪ я еще вЪ свѣжей памяти; также и ту книгу, вЪ которой писатель доказываетЪ, что человѣческое племя есть отродье отЪ племени большихЪ обезЪянЪ. Мнѣ столь же приятно было происходить отЪ сихЪ животныхЪ, какЪ и отЪ рыбЪ.

Спустя нѣсколько времени родословіе сїе казалось мнѣ быть сомнительнымЪ, равнымЪ образомЪ какЪ и происхожденїе горЪ. ТелиамидЪ сЪ удивленіемЪ вопрошалЪ меня: КакЪ! вы еще сомнѣваетесь о томЪ, что стрежа морская, выбрасывающая всегда песокЪ на обѣ стороны высотою вЪ десять или двенадцать футовЪ, чрезЪ безчисленное множество вѣковЪ, немогла произвести горы высотою вЪ двадцать тысячь футовЪ изЪ песку состоящихЪ? Знать что море по необходимости весь шарЪ земной покрывало, чему вЪ доказательство особливо служитЪ то, что на горѣ св: Бернарда найдены были якори, которые лежали тамЪ многїе вѣки прежде нежели у насЪ началось кораблестроенїе.

Представьте себѣ также, что земля наша не иное что, какъ *шаръ стеклянный*, которой долгое время покрытъ былъ водою. Чемъ больше онъ меня увѣрять старался, тѣмъ болѣе приводилъ меня въ сомнѣніе. Развѣ не видѣли вы, продолжалъ онъ, горы фалунь, что въ Туренѣ въ 36 верстахъ отъ моря? Она вся состоитъ изъ раковинъ, которыми вмѣсто навозу угобжаютъ землю. И такъ когда море въ послѣдующія времена, какъ бы нѣкоторое гнѣздо раковинъ въ 36 верстахъ отъ Океана помѣстило, то для чего бы не согласиться, что оно также и на три тысячи миль чрезъ множество вѣковъ по стеклянному шару разливалось?

Правда, господинъ Теліамидъ, отвѣчалъ я ему, есть люди, которые въ день проходятъ пѣши по пятнадцати миль, однако пятидесяти пройти не могутъ. Я никогда не повѣрю, чтобы садъ мой былъ садъ стеклянный, а что касается до вашей горы фалунь, то я еще и въ томъ сомнѣваюсь, что бы въ оной не было ничего кромѣ морскихъ раковинъ. Легко статься можетъ, что оная не иное что есть какъ слой мѣлкаго

 извест-

известнаго камня, которой удобно приемлетъ на себя виды раковинокъ, равно какъ и простые камни, изображающїе либо языкъ, либо звѣзды, либо свивавшихся змѣевъ, либо прелести прекраснаго пола, также и камни фигурчатые представляющїе дерева или сданїя, много натурѣ подобны, однако никогда такими не бывали, какими намъ быть кажутся.

Если море таковую раковинъ кладь низложило въ Туринѣ, то для чего презрѣло оно Бретанїю, Нормандїю, Пикардїю и другїя страны? Уповательно, что сїя такъ славная фалунь не инако произошла отъ моря, какъ и люди. Ибо хотя бы море на 36 верстъ и разливалось, однако изъ того не слѣдуетъ еще то, что оно также покрывало пространство и на три тысячи верстъ или и того болѣе, и что горы устроены водами. Я бы лучше согласился, что Кавказъ произвелъ море, нежели бы утверждать сталъ тому противное.

Да что бы ты господинъ неимовѣрный, сказалъ мнѣ о устерсахъ окаменѣлыхъ, которые найдены на хребтахъ Алпїйскихъ?

Я бы сказалъ, господинъ творецъ, то, что я ни окаменѣлыхъ устерсовъ, ни якорей на вершинѣ горы Кениса не видѣлъ. Сказалъ бы также уже сказанное, что найдены были устерсовы черепки (которые легко каменѣютъ) въ дальнемъ разстоянiи отъ моря и что вырыты были римскiе медали во стѣ верстахъ отъ рима. По чему вѣроятнѣе мнѣ кажется, что ходившiе на поклоненiя къ святому Iакову богомольцы оставили нѣкоторыя раковины у святаго Мориса, нежели что море составило гору святаго Бернарда.

Правда есть во многихъ мѣстахъ раковины; однако кто можетъ на томъ утвердиться что онѣ отъ чешуистыхъ и черепокожныхъ животныхъ нашихъ рѣкъ и озеръ, равно какъ и малыя морскiя рыбы?

Право господинъ неимовѣрный! я осмѣю тебя въ томъ свѣтѣ, которой я сотворить намѣренъ.

Во власти вашей, господинъ творецъ, всякой хозяинъ въ своемъ домѣ властелинъ; однако вы меня никогда не увѣрите, что мiръ нами населенной есть

 шаръ

шаръ стеклянной и что раковины служатъ доказательствомъ тому, что Алпійскія и Таврускія горы произведены моремъ. Вамъ не безъизвѣстно, что на Американскихъ горахъ нѣтъ ни единой раковины: и такъ думать надобно, что сія часть свѣта сотворена не вами и что вы создавъ старой свѣтъ болѣе трудиться не похотѣли; съ васъ и етого довольно.

Когда на Американскихъ горахъ раковинъ не находили, такъ еще со временемъ найдутъ.

Таковая рѣчь Творцу прилична, которой тайну свою вѣдаетъ и совершенъ въ своемъ дѣлѣ; я уступаю вамъ вашу фалунь если угодно, только вы уступите мнѣ мои горы. Впрочемъ я вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ разсуждалъ съ Теліамидомъ, Ирландской Езуитъ преобразившійся въ чужое одѣяніе, въ протчемъ великой наблюдатель естества, здѣлалъ изъ куколя нѣсколько червячковъ помощію

исправныхъ микроскоповъ. Тогда всякъ сомнѣнïе оставилъ, что бы людей не можно было дѣлать изъ хорошаго хлѣба, и тотъ часъ начали прибирать органическïя части, дабы составить человѣка, да и для чего бы не составить? Славный Геометръ Фассïонъ удобно воскрешалъ въ Лондонѣ мертвыхъ, а въ Парижѣ также легко можно изъ органическихъ частей составлять живыхъ; но къ крайнему несчастïю какъ скоро новосотворенные червячки изчезли, такъ и новые люди пропали спасаясь бѣгствомъ къ Монадамъ, которыя встрѣтили они въ полѣ по среди тонкихъ шаровидныхъ и трубчатыхъ составовъ.

Изъ сего заключать не должно, яко бы изобрѣтатели системъ никакïя пользы не приносили: они оказали физикѣ преизящныя услуги и труды ихъ достойны великаго уваженïя; но они уподобляются тѣмъ Алхимистамъ, которые дѣлая недѣлаемое золото, изобрѣли наипрекраснѣйшïе и всякаго любопытства наидостойнѣйшïе опыты. Человѣкъ и отмѣнныхъ достоинствъ также легко погрѣшить можетъ въ

строе-

строенiи животныхъ и земнаго шара, какъ бы и всякой простякъ.

Рыбы, превратившiяся въ людей, и воды въ горные хребты не столько мнѣ бѣдствiя нанесли, какъ господинъ Будотъ; однако я былъ доволенъ тѣмъ, что могъ быть въ сомнѣнiи спокоенъ, когда Лапонъ принялъ меня въ свое покровительство. Онъ былъ глубокомысленной философъ и человѣкъ весьма строгiй къ тѣмъ, кои не послѣдовали его мнѣнiю. Во первыхъ онъ научалъ меня ясно узнавать будущее, возвышая мою душу, а я напрягая всѣ свои силы къ достиженiю сего возвышенiя духа, сильно было отъ того занемогъ; но онъ облѣпивъ меня съ ногъ до головы варомъ, тотчасъ вылѣчилъ.

Я едва еще могъ бродить, какъ предложилъ онъ мнѣ путь въ полуденныя страны, дабы тамъ разсѣкавъ головы исполиновъ, могли мы познать яснѣе свойства души. Но какъ я морской ѣзды сносить не могъ, то согласился онъ проводить меня сухимъ путемъ. Для сего приказалъ онъ вырыть весьма глубокую яму, которая прямо вела къ Патагонамъ. По томъ мы отправились

лись и при самомъ входѣ въ оную яму переломилъ я себѣ ногу; мнѣ выправили оную съ немалымъ трудомъ, и на ней наросла шишка, которая служила мнѣ къ немалому облегченїю.

Все сїе сказано уже было мною въ одномъ изъ моихъ сочиненїй, дабы наставить свѣтъ, крайне внимающїй симъ великимъ дѣламъ. Лѣтами я уже довольно старъ и такъ съ охотой повторяю иногда мои сказки, что бы тѣмъ лучше впечатлѣть оныя юношамъ, для коихъ я съ толь долгаго времени труды мои истощеваю.

ЖЕНИДЬБА ЧЕЛОВѢКА въ СОРОКЪ ТАЛЕРОВЪ.

Человѣкъ въ 40 талеровъ сдѣлавшись уже человѣкомъ гораздо просвѣщеннѣе и наживъ небольшое имѣнїе женился на прекрасной дѣвицѣ, имѣющей доходу сто талеровъ. Жена его вскорѣ обѣщала ему дѣтей, чего ради онъ сыскавъ своего Геометра спрашивалъ

у него, дочь ли мнѣ хозяйка или сына родитъ. Геометръ отвѣчалъ, что повивальныя бабки и горнишныя служанки знаютъ о семъ весьма хорошо изъ одного обыкновенія; что же касается до физиковъ, которые затмѣніе солнца или луны предсказываютъ; то они въ семъ дѣлѣ не столь великіе знатоки, какъ первые.

По томъ хотѣлось ему знать, имѣетъ ли уже сынъ его или дочь душу. Геометръ представлялъ, что сіе до него не надлежитъ, и что поговорить о томъ надобно съ Богословами на распутьѣ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ или по крайней мѣрѣ въ двѣсти, спрашивалъ еще у него, въ какомъ мѣстѣ находится младенецъ? Въ маленькой мошонкѣ, отвѣчалъ ему его другъ, между мочевымъ пузыремъ и проходною кишкою. О отечественный Боже! вскричалъ онъ, сынъ мой раждается и обитаетъ между уриною и тѣмъ, что еще и урины хуже! Конечно такъ, любезный сосѣдъ, да и самые кардиналы другой колыбели не

имѣ-

имѣютъ : но не смотря на то люди величаются и гордятся своей породой.

Ахъ! господинъ Профессоръ, не можетель вы сказать мнѣ, отъ чего дѣти родятся?

Нѣтъ дружокъ : а если ты хочешь, такъ я объявлю тебѣ о семъ мнѣнія философовъ.

Во первыхъ, почтенный отецъ Санше въ преизящной своей книгѣ, *de matrimonio*, то есть о супружествѣ, во всемъ держится мнѣнія Ипократа и за подлинно утверждаетъ, что двѣ жидкія матеріи исходя отъ мущины и женщины вмѣстѣ соединяются, и что во мгновеніе ока помощію онаго совокупленія зачатіе бываетъ. Къ сей физической системѣ, учинившейся потомъ богословскою, столь онъ сильно прилѣпился, что въ 21 главѣ второй книги, изслѣдываетъ нѣкоторой весьма дерзской вопросъ.

Новобрачный чрезмѣрно насмѣхался Санше, былъ однако крайне доволенъ Ипократомъ, лаская себя, что супру-

га

га его всѣ предписанныя симъ медикомъ средства къ зачатїю младенца исполнила.

Но къ нещастїю его, говорилъ ему сосѣдъ, есть много такихъ женщинъ, которыя никакой влажности не испускаютъ и объятїя своихъ мужей принимаютъ съ великимъ отвращенїемъ; однакожъ имѣютъ отъ нихъ дѣтей, что единственно противурѣчитъ Ипократу и Санше.

Сверхъ сего за подлинно извѣстно, что естество въ одинакихъ случаяхъ всегда по одинакимъ дѣйствуетъ правиламъ. Но поелику есть многїе роды животныхъ, которые безъ всякаго совокупленїя раждаютъ, какъ то, чешуйчетыя рыбы, устерсы, древоточныя вши и проч. то надлежало, что бы физики изобрѣли механическїй способъ рожденїя, свойственный вообще всѣмъ животнымъ. Славный Гарвей, который доказалъ обращенїе крови, и которой достоинъ былъ открыть таинства естества, надежно утверждалъ, что онъ нашелъ таковой способъ въ курицахъ, положивъ что и женщины также какъ

онѣ

онѣ кладутъ яица. Насмѣшники говорили, что для сей то самой причины Парижскіе мѣщане, также и придворные люди называютъ своихъ женъ или любовницъ курочками (*Ma poule.*) и что женщины для того слывутъ кокетками, что онѣ крайнее прилагаютъ стараніе нравиться пѣтухамъ; ибо слово кокетка происходитъ отъ французскаго слова Coq, что значитъ пѣтуха. Однако *Гервей*, не смотря на сіи ругательства, не перемѣнилъ своего мнѣнія и нынѣ. Вся Европа въ томъ согласна, что мы происходимъ изъ яицъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Вы, государь мой, сказали, что естество всегда непремѣнно, и что въ одинакихъ случаяхъ по одинакимъ всегда дѣйствуетъ правиламъ; но женщины, кобылы, ослицы и угри никогда яицъ не кладутъ, такъ по етому вы надо мною смѣетеся.

Геометръ.

Правда что онѣ не кладутъ ихъ въ гнѣздахъ, но вмѣсто того кладутъ внутри и имѣютъ яишный наростъ, какъ и

всѣ птицы, также и кобылы и угри оный имѣютъ. Яицы отстаютъ отъ наросту и насѣдъ ихъ бываетъ въ маткѣ: подобнымъ образомъ и чешуистыя рыбы и лягушки мечутъ яица, кои самцы оплодороживаютъ. Киты и другія животныя сего рода высиживаютъ свои яица въ маткахъ, а хлѣбные червячки и моль, наигнуснѣйшія въ свѣтѣ насѣкомыя, очевидно раждаются изъ оныхъ. Словомъ: всѣ происходятъ да и самой земный шаръ не иное что есть, какъ большое яицо, которое въ себѣ всѣ протчія содержитъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Мнѣ кажется, что сію систему должно не инако признавать какъ за истинную; ибо она проста, единообразна и почти изъ большей части животныхъ доказана; я ею чрезмѣрно доволенъ, другой мнѣ не надобно; яица моей жены для меня весьма драгоцѣнны.

Геометръ.

Система сія отъ долговременія пришла уже въ забвеніе, и теперь дѣлаютъ дѣтей другимъ образомъ.

Чело-

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

А для чего? не для того ли, что она толь естественна?

Геометръ.

Ни какъ, но для того, что женщины не имѣютъ наростовъ, а только маленькія желѣзы (glandes), какъ то нѣкоторыя утверждаютъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

А мнѣ кажется, что тѣ, кои хотѣли ввести новую систему, старались только вывесть изъ кредиту яица.

Геометръ.

Сїе легко статься можетъ. Два Голландца, покусившись изслѣдовать помощїю микроскопа сїю дѣтородную влажность, какъ человѣческую, такъ и другихъ животныхъ, увидѣли въ оной тварей уже со всѣмъ сотворенныхъ, которыя съ непостижимою скоростїю двигались; тоже самое примѣтили они и въ сѣменахъ пѣтуха, изъ чего и заключили, что самцы дѣлаютъ все, а самки ничего; и ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только носить порученное имъ сокровище самцами.

Вотъ еще какія чудеса! но я сомнѣваюсь, что бы сіи малыя животныя для того толь удивительно прыгали во влажности, что бы быть по томъ неподвижными въ птичьихъ яицахъ, и не имѣть также никакого, кромѣ нѣкоторыхъ кувырканій, въ женскомъ чревѣ движенія; да сіе право и непонятно, и по моему разсужденію ни мало не естественно. Однако скажите пожалуйте, какой имѣютъ видъ эти маленькіе человѣчки, которые по вашимъ сказкамъ толь искусно плаваютъ.

Геометръ.

Такой какъ и червячки; по чему и былъ медикъ *Андри*, который вездѣ находилъ червей и всячески опровергнуть старался *Гарвееву* Систему. Онъ бы также истребилъ и обращеніе крови, еслибъ можно было, по тому что оное изобрѣлъ другой. Наконецъ оба Голландцы и господинъ *Андри*, по многочисленнымъ заблужденіямъ *Онама* и по изслѣдованіи сквозь микроскопъ вышеобъявленныхъ дѣйствій, изъ человѣка сдѣлали червя. И такъ когда мы

еще находимся вЪ сорочкѢ, то бываемЪ куколкой, такЪ какЪ и оные червячки, которыхЪ крестьяне бобками называютЪ, а по томЪ, когда изЪ червячка дѢлается бабочка, то мы дѢлаемся людьми. ВотЪ каково наше превращенїе.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Изрядно! но всегда ли держались сего мнѢнїя или послѢ того выдумывали еще новыя?

ГеометрЪ.

Быть червячкомЪ всякЪ погнушался, и для того одинЪ крайне забавный философЪ вЪ такЪ называемой книгѢ *Физическая Венера* обЪявляетЪ, что дѢти отЪ притяженїя раждаются; и сїе такЪ произходитЪ: когда зародышь вЪ матку заходитЪ, то правой глазЪ привлекаетЪ кЪ себѢ лѢвой, который кЪ нему и приближается, дабы соединяясь вмѢстѢ составить одинЪ глазЪ; но попавшїйся на пути носЪ вЪ томЪ ему препятствуетЪ, и принуждаетЪ его помѢститься по лѢвую сторону. Тоже самое бываетЪ сЪ руками, лядвеями и ногами, которые

 отЪ

отЪ лядвей зависятЪ. СимЪ положенiемЪ весьма трудно изЪяснить положенiе сосцовЪ и ягодицЪ. Именитый нашЪ философЪ ни мало участiя не приписываетЪ всевышнему Творцу вЪ творенiи животныхЪ и совсѣмЪ тому не вѣритЪ, что сердце сотворено для принятiя и испусканiя крови, желудокЪ для варенiя пищи, глаза для зрѣнiя, уши для слуху; сiе кажется ему весьма обыкновеннымЪ и по мнѣнiю его все дѣлается чрезЪ притяженiе.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Таковаго можно уже назвать сущимЪ глупцемЪ. Я думаю, что сему толь нелѣпому мнѣнiю никто не послѣдовалЪ.

Геометръ.

Самая правда, его и дѣйствительно вокругЪ осмѣяли; но всего досаднѣе, что сей безумецЪ уподобился БогословамЪ, которые всѣми силами гонятЪ тѣхЪ, коихЪ заставляютЪ они себѣ смѣяться.

Другiе философы выдумали другiя средства, которыя однакожЪ не большей имѣли успѣхЪ. Они утверждаютЪ, что не руки ищутЪ рукЪ, ниже лядвеи

веи бѣгаютъ за лядвеями; но что нѣжныя и маленькія частицы оныхъ одна на другую садятся. Можетъ быть наконецъ опять, потерявъ толь много времени принуждены будутъ приняться за яицы.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Я тому весьма радъ буду; но что вышло изъ всѣхъ сихъ пренiй?

Геометръ.

Сомнѣнiе. А если бы сей спорный запросъ былъ между богословами, то бы проклятiе послѣдовало и многiебъ безвинно пролили свою кровь; что же касается до физиковъ, то они тотчасъ примирились и всякой покоился со своею супругою, ни мало не помышляя о лишномъ наростѣ, ниже о Фаллопiевыхъ трубахъ, а жены обрюхатѣвъ со всѣмъ не спрашивали о томъ, какъ сiе таинство совершается. Подобное сему бываетъ и между вами, когда вы засѣвая хлѣбъ, совсѣмъ не знаете, какимъ образомъ оный отпрыски въ землѣ пускаетъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Какъ! я ето довольно знаю; мнѣ сказывали, что сiе дѣлается чрезъ сог-

 нитiе

нитіе; однако иногда всему сказанному смѣяться принужденъ бываю.

Геометръ.

То и хорошо: и я тебѣ совѣтую ничего не вѣрить, кромѣ того, что три угла въ треугольникѣ равны двумъ прямымъ; что треугольники имѣющіе одинакое основаніе и высоту, равны между собою и другимъ подобнымъ предложеніямъ, какъ то дважды два составляютъ четыре.

Человѣкъ въ 40 Талеровъ.

Да я и самъ думаю, что не вѣрить есть весьма разумное дѣло: однако я, поправившись имѣніемъ и имѣя праздное время, сдѣлался любопытнымъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, по какой пружинѣ двигаются мои руки или ноги, когда желаніе мое оными дѣйствуетъ; ибо пружинѣ сей неотмѣнно быть надлежитъ. Иногда я совсемъ не доумѣваюсь, что будучи въ состояніи смыкать и отворять глаза, не могу подымать ушей. Думаю, разсуждаю, хочу знать не множко..... такъ.... чуть не отгадаю своего мнѣнія. Ето должно быть крайне любопытно. Я изыскиваю теперь самъ

ли я думаю, Богъ ли даетъ мнѣ вообраȝенїе, въ шесть ли недѣль или въ одинъ день душа моя въ тѣло вселилась, какъ она водворяется въ моемъ мозгѣ, много ли я разсуждаю въ глубокомъ снѣ или когда въ изступленїи бываю. Я ломаю голову, чтобы узнать, какимъ образомъ одно тѣло другое толкаетъ; также и чувства мои не менѣе меня удивляютъ; въ нихъ нахожу я нѣчто божественное, а особливо въ забавѣ. Иногда напрягаю всѣ свои силы, дабы выдумыть новое чувствованїе; но все не удачно. Геометры, думать надобно, все сїе знаютъ; такъ наставте меня пожалуйте.

Геометръ.

Мы такїе же невѣжи, какъ и ты, прибѣгни лучше къ Сорбонѣ.

◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆◇◆

Человѣкъ въ сорокъ Талеровъ, сдѣлавшись отцемъ разсуждаетъ о монахахъ.

Человѣкъ въ сорокъ Талеровъ, наживъ одного сына, началъ почитать себя

нѣсколько уже несноснымъ государству; ибо онъ надѣялся доставить государю, по крайней мѣрѣ, десяти полезныхъ подданныхъ. Самъ онъ дѣлалъ наипрекраснѣйшія въ свѣтѣ корзинки, а жена его была наилучшая швея. Она родилась въ околоткѣ великаго Игуменства, имѣющаго сто тысячь ливровъ доходу. Мужъ ея спрашивалъ меня нѣкогда, для чего господа онаго монастыря, будучи сами въ малолюдствѣ, толь многїе сороки талеровъ издерживаютъ? Развѣ они полезнѣе меня отечеству? Нѣтъ, любезный сосѣдъ. Стараютсяль они по моему о населенїи государства? По видимому совсѣмъ нѣтъ. Пашутъ ли они землю? защищаютъ ли отечество, когда оно угнѣтаемо бываетъ? Нѣтъ, они молятся за тебя Богу. Изрядно, такъ и я за нихъ молиться буду, а денежки дѣлить станемъ вмѣстѣ.

Сколько думаете вы монастыри заключаютъ въ себѣ сихъ полезныхъ людей государству какъ женскаго, такъ и мужескаго полу? По запискамъ Интендентовъ, сдѣланнымъ въ концѣ послѣдняго столѣтїя, было ихъ около

девя-

девяносто тысячь. Слѣдовательно по старому нашему щету, то есть по сорску талеровъ на человѣка, должны они имѣть десять милїоновъ восемъ сотъ тысячь ливровъ. Однако сколько они имѣютъ? Пятьдесятъ миллїоновъ, считая мши и подаваемыя милостыни нищенскїй образъ носящимъ монахамъ, которые сущую и не малую налагаютъ на народъ подать. Одинь ихъ сборщикъ Парижскаго монастыря всенародно хвалится, что котомка его приноситъ ему ежегодно по восьмидесяти тысячь ливровъ. Такъ посмотрите, по скольку достанется на брата, раздѣливъ 50 миллїоновъ на девяносто тысячь стриженыхъ головъ? По пяти сотъ пятидесяти пяти ливровъ. Ета сумма нарочито велика, а особливо во многолюдномъ обществѣ, гдѣ росходы по числу самыхъ же расточителей уменьшаются. Ибо десять человѣкъ, живучи вмѣстѣ гораздо меньше издерживаютъ, нежели когдабъ каждой изъ нихъ имѣлъ особой столъ и особое жилище. По етому непричетные Езуиты, которымъ даютъ теперь по четыреста ливровъ пенсїи, безъ сомнѣнїя многихъ выгодъ лишились? Я не думаю, по тому, что

они

они почти всѣ живутъ у своихъ сродственниковъ, которые имъ вспомоществуютъ; многїе изъ нихъ говорятъ мшу за деньги, чего прежде не бывало; иные отправляютъ должность учителей, другїе живутъ иждивенїемъ набожныхъ женщинъ, словомъ, всякъ не безъ призрѣнїя; и можетъ быть теперь, наслаждаясь свѣтскимъ обращенїемъ, вольностїю и весьма мало сыщется такихъ, которые бы захотѣли надѣть на себя прежнїе оковы. Старческая жизнь, чтобы объ ней ни говорили, есть жизнь ни мало не завидная. Ибо всякъ знаетъ, что монахи суть такїе люди, которые собираются въ монастырь, не вѣдая другъ друга, живутъ безъ взаимной любви и умираютъ безъ прискорбїя. Такъ вы думаете, что имъ бы оказали отмѣнную услугу, еслибъ ихъ растригли? Да, безъ сомнѣнїя, они бы чрезъ то много выиграли, а государство и того болѣе; отечеству возвратили бы гражданъ, гражданъ, которые безразсудно жертвовали вольностїю своею въ такихъ лѣтахъ, когда еще законы располагать землею и въ 10 копѣекъ не дозволяютъ. Сїи мертвыя тѣла извлечены бъ были изъ гробовъ, и тогдабъ истинное

ное воспослѣдовало воскресенїе. Изъ ихъ бы домовъ подѣлали ратуши, больницы, народные училища или рукодѣльные заводы. Народъ бы отъ того умножился и всѣ бы художества процвѣтать стали. Сїе множество добровольныхъ жертвъ по крайней мѣрѣ можнобъ было уменьшить, назначивъ ихъ извѣстное число. Отечество больше бы имѣло полезныхъ людей, а менѣе нещастныхъ. Сїе есть мнѣнїе всѣхъ судей и единодушное желанїе публики съ того времени, какъ умы просвѣтились. Примѣръ Англїи и другихъ толь многихъ государствъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ, сколь нужно есть отрѣшенїе оныхъ. Чтобы дѣлала теперь Англїя, еслибъ она вмѣсто сорока тысячь мореходцевъ, имѣла сорокъ тысячь монаховъ? чемъ болѣе художества распространяются, тѣмъ большее требуется число трудолюбивыхъ гражданъ. Извѣстно также, что въ монастыряхъ много отмѣнныхъ людей заключается, которые въ разсужденїи государства погибшими почесться могутъ. Для приведенїя въ цвѣтущее состоянїе правительствъ, надлежитъ имѣть какъ возможно менѣе духовенства

и какъ возможно болѣе художниковъ. Невѣжество и грубость нашихъ предковъ не есть правило для насъ въ поступкахъ нашихъ, но предувѣдомленіе поступать такъ, какъ бы они сами поступали, еслибъ были столь просвѣщенны какъ мы. Изъ сего заключаю я, что вы не по злобѣ къ монахамъ, но отъ сожалѣнія къ нимъ и любьви къ отечеству, хотите ихъ уничтожить. Я въ томъ съ вами согласенъ, и не хочу, что бы сынъ мой былъ монахомъ. Впротчемъ ежели бы я зналъ, что мнѣ дѣтей имѣть должно для монастыря; то бы право и съ женой болѣе спать не стали. Да и правду сказать, какой бы доброй семейства отецъ не воздыхалъ, видя своего сына или дочь для общества погибша! Сіе называется спасаться; но солдатъ, когда во время сраженія спасается, то за то наказанъ бываетъ. Мы же въ разсужденіи отечества нашего всѣ солдаты, живемъ на жалованьѣ общества и оставляя оное измѣнниками дѣлаемся. Но полно, что говорить? Монахи всѣ вообще суть убійцы, истребляющіе цѣлое потомство. Девяносто тысячь затворниковъ, ко-

торые болтаютъ или гнусятъ по Латини, могли бы каждой изъ нихъ произвести двухъ подданныхъ Государю, что составитъ сто шестьдесятъ тысячь человѣкъ, коихъ они въ безженіи своемъ погубляютъ. По прошествіи ста лѣтъ утрата сія чрезмѣрно велика, ето уже доказано.

Для чего же духовенство такъ усилилось? Для того, что правленіе отъ временъ Константина вездѣ было не порядочное и непросвѣщенное; что Римская Имперія болѣе имѣла монаховъ, нежели военныхъ людей; что въ одномъ Египтѣ было ихъ около ста тысячь; что они не знали ни трудовъ, ни податей; что начальники варварскихъ народовъ, разоривъ Имперію и принявъ Христіанской законъ, дабы управлять Христіанами, жестокосердыми учинились ихъ мучителями; что народы тогда, дабы укрытися отъ неистовства тиранновъ, толпами валился въ монастыри, и убѣгая раболѣпствія раболѣпствію подвергалися, что папы постановивъ многоразличныя ордены посвященные многихъ тунеядцовъ, привели себѣ въ подданство изъ другихъ

гихъ государствъ народовъ; что крестьянинъ лучше захотѣлъ быть именованъ почтеннымъ отцемъ и давать другимъ благословенїе, нежели ходить за сохой, и того не разсудивъ, что соха благороднѣе камилавки, лучше желалъ жить иждивенїемъ безумцовъ, нежели честнымъ трудомъ, и такъ въ невѣжествѣ своемъ надѣвая старческую одежду, предуготовлялъ себѣ злощастную съ горестїю и раскаянїемъ сплетенную жизнь. Изрядно сударь, мы поговоримъ еще болѣе о монахахъ, какъ для ихъ, такъ и для нашего благополучїя. Мнѣ весьма досадно слушать, какъ помѣщику моему, имѣющему четырехъ сыновей и три дочери, то и дѣло твердятъ, чтобы онъ дочерей своихъ отдалъ въ монастырь; а когда не то, то онъ и самъ не будетъ знать куда съ ними дѣваться. Такая рѣчь часто повторяемая есть безчеловѣчна, противна отечеству и пагубна обществу.

Если бы всѣ люди въ свѣтѣ сколь часто ни говорятъ о состоянїи жизни, каковое бы оно ни было, избирали состоянїе старческое, то бы человѣче-

скїй

скій родъ весь истребился; довольно извѣстно, что такая жизнь ни къ чему не годна, и что тотъ, который оную избираетъ, не токмо не споспѣшествуетъ общему благу, но еще по мѣрѣ силъ своихъ и вредъ наноситъ. И такъ если бы всѣ юноши и дѣвицы заключались въ монастыри, то бы родъ нашъ совсѣмъ пресѣкся; слѣдовательно не упоминая о другихъ жестокихъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ иногда сего званія людьми, монашество противно самому человѣчеству.

Не можно ли сего также сказать и о солдатахъ?

Нѣтъ; ибо если бы всякой гражданинъ при очередѣ своей носилъ ружье, какъ то было нѣкогда во всѣхъ республикахъ, а особливо въ Римской, то бы солдатъ отъ сего былъ наилучшій земледѣлецъ; солдатъ и купно гражданинъ вступаетъ въ супружество и ополчается на брань за свою жену и дѣтей. Дай богъ, что бы всѣ земледѣльцы были солдатами и имѣли женъ! Тогда бы у насъ были наилучшіе граждане. О монахахъ же особливаго ни-

чего сказать не можно, какъ токмо то, что они пожираютъ имѣнiе своего ближняго. Справедливость сiя всему свѣту извѣстна.

Однако, дочери бѣдныхъ дворянъ, коихъ они за мужъ выдать не въ силахъ, что будутъ дѣлать?

То, какъ уже тысячу разъ твержено, что дѣлаютъ дѣвицы въ Англiи, въ Шотландiи, Ирландiи, Швейцарiи, Голландiи, въ одной половинѣ Германiи; Швецiи, Норвегiи, Данiи, Татарiи, Турцiи, Африкѣ и почти во всемъ свѣтѣ. Изъ нихъ были бы гораздо лучшiя жены и нѣжнѣйшiя матери, если бы ихъ по обычаю Нѣмцовъ брали въ супружество безъ приданаго. Домоводная и трудолюбивая хозяйка безпримѣрно полезнѣе въ домѣ, нежели дочь казначея, которая болѣе на прихоти расточаетъ, нежели сколько съ собой приноситъ мужу. Надобно имѣть домы, долженствующiе служить убѣжищемъ для старыхъ, немощныхъ и изуродованныхъ. Но у насъ напротивъ того отъ гнуснѣйшаго злоупотребленiя огромныя созидаютъ зданiя для юношества и людей во всемъ совершенныхъ и при томъ

достаточныхЪ. ВЪ монастыряхЪ не смотря, на законы цѣломудрїя, принуждаютЪ обоего пола вступающихЪ вЪ сей новой родЪ жизни показывать свою наготу, и осматриваютЪ ихЪ вЪ округЪ сЪ ногЪ до головы. Но пускай прїидетЪ согбенная лѣтами старушка просить старческой одежды, то если не купитЪ оной за великїя деньги, ее сЪ поруганїемЪ прогонятЪ. СловомЪ, каждая монахиня должна быть зажиточна, инако она всегда бываетЪ посмѣянїемЪ всего монастыря. Несноснѣе сего злоупотребленїя еще никогда не бывало.

Изрядно, государь мой, изрядно, я вамЪ клянусь, что дочери мои никогда не будутЪ монахинями. Онѣ у меня учиться станутЪ прясть, шить, дѣлать круживо, вышивать золотомЪ и быть полезными. Я почитаю монастырь пагубнымЪ отечеству и самому себѣ.

Однако скажите пожалуйте, можетЪ ли быть то справедливо, что одинЪ изЪ моихЪ друзей, дабы противорѣчить всему свѣту, утверждаетЪ, что монахи много споспѣшествуютЪ

къ населенію государства, потому что домы ихъ гораздо великолѣпнѣе, нежели домы знатныхъ господъ, и земли ихъ лучше всѣхъ другихъ вспаханы.

Кто бы ето былъ другъ твой, который говоритъ столь не лѣпо?

Онъ другъ людей, или лучше сказать другъ монаховъ.

По етому онъ сказалъ сіе въ насмѣшку; ибо онъ довольно знаетъ, что десять семей, изъ коихъ каждая имѣетъ по пяти тысячь ливровъ доходу съ земель, въ тысячу разъ полезнѣе монастыря, которой пользуется доходомъ пятидесяти тысячь, и деньги копитъ всегда тайно. Онъ выхваляетъ прекрасные домы выстроенные монахами, для того, что сіе особливо раздражаетъ гражданъ и причиною бываетъ жалобъ всей Европы. Обѣты нищеты не пріемлютъ огромныя зданія, равно какъ и обѣтъ униженія прекословитъ гордости, и обѣтъ уничтожати свое племя противится естеству.

Теперь я вѣрить начинаю, что на книги полагаться много не должно.

Съ ними поступать надобно такъ, какъ поступаютъ съ людьми: выбирать изъ нихъ разумнѣйшія и ихъ разсматривать, а вручать себя завсегда провидѣнію божїю.

НАЛОГИ
ПЛАТИМЫЯ ИНОСТРАНЦАМЪ.

Мѣсяцъ тому назадъ, какъ человѣкъ въ сорокъ талеровъ пришелъ ко мнѣ, и ухватясь обѣими руками за бока смѣялся толь сильно, что и я не зная причины его смѣха хохотать началъ; вотъ какъ мы рождены подражательными, какъ природа нами правитъ, и какъ заражены движенїя души нашея:

Vt ridentibus arrident, ita flentibus adflent humani vultus.

Наконецъ по долговременномъ смѣхѣ, говорилъ онъ мнѣ, что встрѣтился съ человѣкомъ, который сказался протонотарїусомъ святаго стула, что сей человѣкъ послалъ нарочитую сумму денегъ къ находящемуся отсюда въ трехъ стахъ миляхъ Италїанцу, на имя Француза, коему Король не большую пожаловалъ маетность, и что

сей Французъ никогда бы не могъ пользоваться благодѣянїемъ своего Государя, еслибъ перваго своего годоваго доходу не далъ оному Италїанцу.

Ето весьма справедливо, говорилъ я ему, однако ни мало не смѣшно. Францїя ежегодно тратитъ сими бездѣльными налогами около четырехъ сотъ тысячь ливровъ и въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, какъ сїе вошло въ обыкновенїе, внесли уже мы въ Италїю восемьдесятъ милїоновъ.

Боже мой, вскричалъ онъ, сколь много сороковъ талеровъ, такъ мы уже двѣсти пятьдесятъ лѣтъ подъ игомъ Италїянца! онъ наложилъ на насъ сїю дань!

Да, конечно онъ, отвѣчалъ я ему, и съ начала были мы гораздо болѣе отъ него отягчены. Ето еще бездѣлица въ разсужденїи того, что онъ съ бѣднаго отечества нашего и другихъ Европейскихъ государствъ собралъ. Тогда я разсказалъ ему, какимъ образомъ духовенство грабежъ свой распространило, а онъ зная нѣсколько исторїи, и имѣя хорошїй разсудокъ

судокъ легко понялъ, что мы жили прежде въ неволѣ, отъ коей остатки оковъ еще и теперь на насъ видны. Долгое время, говорилъ онъ, съ крайнимъ огорченïемъ о семъ злоупотребленïи, но о законѣ съ какимъ благоговенïемъ! Сколь много почиталъ онъ епископовъ, и сколь много желалъ имъ сороковъ талеровъ, дабы они въ епархïяхъ своихъ употребили оныя на добрыя дѣла! Онъ говорилъ также, что бы и всѣмъ сельскимъ попамъ опредѣлить извѣстное число сороковъ талеровъ, дабы они жить могли благопристойно; сколь жалостное состоянïе, продолжалъ онъ, пастыря, который со стадомъ своимъ принужденъ бываетъ спорить о трехъ снопахъ хлѣба и сколь поносное дѣло безпрестанную вести тяжбу со своимъ господиномъ. Непрерывныя вражды о мнимыхъ правахъ и десятинахъ умаляютъ достодолжное къ нему почтенïе. Бѣдной земледѣлецъ заплативъ указнымъ десятину и двѣ копѣйки съ ливра, также подать, подушный окладъ и откупъ салдатскаго постоя, когда уже оной былъ, и проч. видя что у него похищаютъ десятину отъ его жатвы для попа, не за

пастыря болѣе онаго почитаетъ, но за хищнаго волка, которой и послѣднюю съ него сдираетъ кожу. Ибо ему сїе крайне чувствительно, что отнимая у него безчеловѣчно десятой снопъ хлѣба, ни мало не берутъ въ разсужденїе, во что оной ему сталъ въ посѣвѣ: такъ что останется ему и его семьи? Слезы, нищета, горесть, отчаянїе и скорая смерть отъ голода и трудовъ. Напротивъ того, если бы церковныхъ служителей содержало правительство, то бы они были утѣшенїемъ, а не врагами своихъ прихожанъ.

Сей добродѣтельный человѣкъ съ жалостїю произносилъ слова; онъ любилъ свое отечество и жизнїю своею жертвовалъ общему благу, а иногда съ прискорбностїю вопїялъ: что за государство Францїя!

Послѣ сего пошли мы смотрѣть его сына, коего мать порядочно одѣтая, кормила на рукахъ сосцами. Дитя было весьма умильно. Отецъ взглянувъ на оное, увы, сынъ мой, говорилъ, вотъ ты рожденъ мною, но жить тебѣ только двадцать три года, и жить при томъ съ однимъ сорокомъ талеровъ.

О ПРОПОРЦІЯХЪ
ИЛИ
УРАВНЕНІЯХЪ.

Произведеніе крайнихъ равно произведенію среднихъ; однако два украденныя мѣшка хлѣба не равны ихъ похитителямъ, такъ какъ лишеніе жизни похитителей, не равно пользѣ того, у коего оные украдены.

Настоятель де.... повѣсилъ двухъ своихъ приказщиковъ за то, что они похитили у него двѣ четверти хлѣба. Сія казнь стоила болѣе ему нежели вся его жатва; ибо съ того времени никто не идетъ къ нему во услуженіе.

Если бы законы повелѣвали, ворующимъ хлѣбъ у своего господина пахать его поле чрезъ всю свою жизнь въ желѣзахъ и съ прикрѣпленнымъ къ шейному ожерельнику колокольчикомъ, то бы настоятель оной получилъ отъ того немалую пользу.

Надобно неотмѣнно стращать бездѣльниковъ; однако невольная работа и долговременное поноценіе болѣе

приводятъ ихъ въ страхъ нежели висѣлица.

За нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ въ Лондонѣ присудили злодѣя сослать въ Америку на сахарные заводы для работы. Въ Англіи, такъ какъ и во многихъ другихъ государствахъ бываетъ, всякой преступникъ имѣетъ свободу подавать Королю челобитную, или о полученіи совершенной милости, или о уменьшеніи его наказанія. Сей же преступникъ подалъ прошеніе, чтобы его повѣсить, представляя, что онъ смертельно ненавидитъ работу и что лучше желаетъ задавленъ быть въ одну минуту, нежели работать на сахарныхъ заводахъ чрезъ всю свою жизнь.

Другіе пускай разсуждаютъ о семъ какъ хотятъ, однако напомнить надобно, хотя уже и довольно говорено, что повѣшенный ни къ чему доброму не служитъ, наказанія же должны быть полезны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Татаріи посадили двухъ человѣкъ на колъ за то, что они во время хода въ

присутствіи Ламы смотрѣли въ шапкахъ. Китайскій Императоръ, государь великаго разума, говорилъ, что онъ бы имъ присудилъ ходить три мѣсяца за онымъ съ непокрытыми головами.

Уравнивай наказанія съ преступленіемъ, говоритъ Маркизъ Беккарія; предписатели законовъ въ геометріи были неискусны.

Повѣсилъ ли бы ты Аббата Гуїона или Коже или непричетныхъ Езуитовъ Ноnотта и Патвиллета, или проповѣдника Бомелла за то, что они нелѣпыя сочиняютъ книги, въ которыхъ нѣтъ ни справедливости, ни разума, ни смыслу, такъ какъ настоятель де... повѣсилъ двухъ своихъ прикащиковъ. Сіе же можно бы было сдѣлать подъ тѣмъ видомъ, что порицатели болѣе грѣшатъ нежели воры.

Осудилъ ли бы также на каторгу Фрерона, для того, что онъ поносилъ хорошей вкусъ и лгалъ во всю свою жизнь, дабы достать на чарку вина.

Вывелъ ли бы ты къ столбу г. Ларше, за то, что онъ былъ весьма

ма не поворотилиЪ , что беззаконіе усугублялЪ беззаконіемЪ , что справедливости никогда отличать не умѣлЪ и что утверждалЪ безстыдно , якобы вЪ древнемЪ и обширномЪ городѣ Вавилонѣ , именитомЪ своими порядками и ревнивостію мужей , простыя жены и принцессы подЪ смотрѣніемЪ скопцовЪ содержащіяся , отЪ набожности ходили вЪ соборЪ одѣлять благосклонностію своею иностранцовЪ ? НѣтЪ , мы лучше сошлемЪ его вЪ такія мѣста , гдѣ бы ему сіе сокомЪ вышло , станемЪ наблюдать во всемЪ умѣренность и уравнивать наказаніе сЪ преступленіемЪ.

ИзвинимЪ бѣднаго ЖанЪ-Жака вЪ томЪ , что онЪ всегда самЪ себѣ противорѣчитЪ , что написавЪ комедію , осмѣянную вЪ ПарижскомЪ театрѣ , проклинаетЪ тѣхЪ , кои играютЪ оную во стѣ миляхЪ отЪ Парижа , что ищетЪ покровителей и ими ругается , что дѣлаетЪ возраженія противЪ романовЪ , а самЪ оныя сочиняетЪ , вЪ коихЪ главной витязь есть глупой учитель ; которой живетЪ милостынею швейцарки , сЪ коей прижилЪ онЪ дѣтей , и промоталЪ всѣ ея деньги вЪ Парижской бор-

бордель; дозволимъ ему думать о себѣ, что онъ превзошелъ *Фенелона* и *Ксенефонта*, воспитывая благороднаго юношу въ столярномъ ремеслѣ; такія пустоши не стоятъ того, чтобы написать опредѣленіе о взятіи подъ караулъ; довольно съ него будетъ ежели посадятъ его въ такой домъ, гдѣ кормятъ хорошою похлебкою, пускаютъ кровь и велятъ наблюдать умѣренность въ пищѣ.

Законовъ Дракона я не навижу потому, что они равно наказываютъ погрѣшности и порокъ, злость и безуміе. И для того мы не станемъ поступать съ Езуитомъ Нонотомъ, который въ томъ только виноватъ, что писалъ глупо и съ обидой другаго, такъ какъ поступали съ Езуитами Маллагридомъ, Олдекорномъ, Гарнетомъ, Гинардомъ и Геретомъ, и какъ поступать должно съ Езуитомъ Теллїеромъ, который обманулъ своего Государя и возмутилъ Францію; но особливо отличать будемъ во всѣхъ тяжбахъ, прѣніяхъ и спорахъ, обижающаго отъ обиженнаго и угнѣтающаго отъ угнѣтеннаго. Ибо наступательная

война показываетъ варварство, а защищенie самаго себя справедливость.

Въ то самое время, когда я былъ погруженъ въ сихъ размышленiяхъ, пришелъ ко мнѣ человѣкъ въ 40 талеровъ обливаяся слезами. Я его съ содроганiемъ сердца спрашивалъ, не умеръ ли его сынъ, которому 23 года жить надлежало. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, сынъ мой слава Богу здоровъ также и жена, но я позванъ былъ во свидѣтельство противу мельника, которой по выдержанiи всѣхъ пытокъ явился невиноватымъ, я видѣлъ какъ онъ былъ въ безпамятствѣ отъ жестокихъ мученiй; слышалъ какъ его кости трещали да и теперь еще кажется мнѣ, что слышу его стенанie и вопль; они слѣдуютъ за мною, я плачу отъ сожалѣнiя и отъ ужаса дрожу и цепенѣю. Тогда мнѣ жалко стало и я дрожать и плакать началъ, будучи рожденъ крайне чувствительнымъ.

Воспоминовенie о прошедшемъ привело мнѣ на память страшное приключенie Каласовъ; добродѣтельную мать въ оковахъ, съ воплемъ убѣгающихъ ея дѣтей, домъ въ разграбленiи, почтенна-

наго отца, мученіемъ растерзаннаго, страждущаго на колесѣ и въ пламени погибающаго, сына обремененнаго железами и влекома предъ судей изъ коихъ одинъ ему говоритъ: *мы уже отца твоего колесовали, а теперь тебя колесовать станемъ.*

Я вспомнилъ также и о семьѣ Сирвеновъ, которую одинъ изъ моихъ друзей видѣлъ на горахъ, льдомъ покрытыхъ, когда она отъ гоненія сколь глупаго, толь и неправосуднаго суда избѣгала. Сей судья, говорилъ онъ мнѣ, осудилъ непорочную семью на казнь, полагая безъ малѣйшаго виду доказательства, будто бы отецъ и мать, помощію двухъ своихъ дочерей умертвили третію, и тѣло бросили въ воду, опасаясь, чтобъ она не приобщилась паки къ каѳолической церкви. Въ такомъ родѣ суда вдругъ вижу я чрезмѣрную глупость, коварство, неправосудіе и варварство.

Я и человѣкъ въ 40 талеровъ оплакивали человѣческое состояніе. Въ то время была у меня рѣчь главнаго Дофинскаго адвоката, который отчасти упоминаетъ и о семъ важномъ дѣлѣ.

Изъ ней читалъ я ему слѣдующія мѣста.

„Сирты по справедливости были „великіе люди! они первые дерзнули „править себѣ подобными, и взложить „на себя иго всеобщаго блаженства. „Они желая показать благодѣяніе че„ловѣчеству, подвергнули себя его не„благодарности, и для народнаго по„коя отъ собственнаго отреклись: за„нявъ мѣсто, какъ бы сказать между „провидѣніемъ и человѣкомъ, дабы „устроить его благополучіе иску„ствомъ, коего оно по видимому его „лишило.

. . . .

„Какой бы судья уважающій сколь„ко нибудь свою должность и человѣ„чество возмогъ утверждать сіи мы„сли? Можетъ ли онъ въ уединеніи въ „своемъ кабинетѣ, безъ содраганія отъ „ужаса и жалости обратить взоръ свой „на сію бумагу, какъ на злощастной „знакъ беззаконія или непорочности? „Не мнится ли ему слышать, что „стенающій гласъ изходитъ изъ сего „пагубнаго писма и нудитъ его вер„шить судьбину гражданина, жены, „отца и цѣлой семьи? Возможноль, что

„ бы онъ имѣлъ толь окаменѣлое сердце,
„ что проходя мимо темницы, и буду-
„ чи занятъ однимъ токмо уголовнымъ
„ дѣломъ, чувствовалъ въ себѣ холод-
„ ность? Нѣтъ, онъ содрогнувшись ска-
„ жетъ: Ахъ! это я содержу въ семъ
„ пагубномъ мѣстѣ мнѣ подобнаго,
„ можетъ быть мнѣ равного гражданина
„ на и человѣка. Это я стязаю его по
„ всякой день, и запираю за нимъ сіи
„ страшныя вороты. Сердце его можетъ
„ быть отчаяніемъ исполненное съ ху-
„ лою вопіетъ къ небу о моемъ имени
„ и безъ сомнѣнія во свидѣтельство при-
„ зываетъ великаго онаго судію, кото-
„ рый насъ хранитъ и судить будетъ
„ обоихъ. . . . .

„ Здѣсь незапно ужасное глазамъ
„ моимъ представляется зрѣлище; су-
„ дія скучая вопросами, изслѣдовать
„ хочетъ мученіемъ, и не полагаясь
„ довольно на совѣстной и словесной
„ судъ, повелѣваетъ принести свѣточи,
„ рычаги, оковы и всѣ мучительныя
„ орудія. Приходитъ палачь, вмѣши-
„ вается въ должность судіи и окан-
„ чиваетъ насиліемъ допросъ, ласкою
„ начатой. . . . .

„О дражайшая философія, которая „изслѣдуешь истинну вниманіемъ и „терпѣливостію, ожидала ли ты ко„гда нибудь въ твоемъ вѣкѣ, чтобы „къ открытію оныя такія употре„блялись орудія? - . . . .

„Возможно ли, чтобы законы наши не „противоборствовали толь коварному „средству, и что бы обычай оное по„святилъ? . . . .
. . . „Законы уступая предразсужде„ніямъ, содѣлываютъ народныя нака„занія столь же свирѣпыми, какъ и „частныя мщенія и тутъ дѣйствіе „разума уподобляется жестокостію „дѣйствію страстей. Какая же при„чина сей толь странной противупо„ложности? Та, что предразсужденіе „наше уже закоснѣло, а нравоученіе „принято недавно, что мы не болѣе „слушаемся нашихъ чувствъ, какъ и „внимаемъ нашимъ воображеніямъ, что „жадность къ забавамъ препятству„етъ намъ разсуждать о нашихъ нуж„дахъ, и что мы паче стараемся жить, „нежели собою править. Словомъ: при„чина тому та, что нравы наши крот„ки, а не добры, и что мы вѣжливы, „а не человѣколюбивы. Сіи

Сїи слова изреченныя красноречїемъ человечества исполнили сердце моего друга приятнымъ утешенїемъ. Онъ удивляясь имъ нежно, съ восторгомъ меня спросилъ, не ужели толь прекрасныя сочиненїя делаютъ въ провинцїяхъ. Мне сказали, будто бы въ свете токмо и города что Парижъ.

Правда, говорилъ я ему, въ свете одинъ только Парижъ, въ которомъ комическїя сочиняютъ оперы; но ныне довольно есть судей и въ провинцїяхъ, которые также разсуждаютъ добродетельно и съ равною изъясняются силою. Прежде сего извещатели правосудїя и нравоученїй были токмо посмеянїемъ. Но когда докторъ Баluардъ предъ судомъ, а Арлекинъ на каѳедре говорить объ нихъ начали, то прибыла наконецъ и сама философїя, и повелела провозглашать въ народе новую и полезную истинну съ велеречїемъ разума и чувствъ.

Но когда у насъ ничего не останется новаго говорить, возопили тогда пустомели? Такъ молчите тогда, отвечала философїя: все ваши пустыя о нарядахъ

 разго-

разговоры, содержащіе въ себѣ токмо нѣкоторыя изреченія, подобны огню святаго Іоанна, подженному въ такое время, когда ни кто грѣться нужды не имѣетъ; оной не дѣлаетъ никакого увеселенія, и послѣ него не остается даже и пеплу.

Пускай бы вся Франція хорошія читала книги; но у насъ не смотря на слабость человѣческаго ума читаютъ ихъ весьма мало и при томъ большая часть изъ тѣхъ, кои чему нибудь хотятъ научиться, читаютъ весьма худо. Сосѣды мои и сосѣдки послѣ обѣда забавляются Аглинскою игрою, которую я едва выговорить могу, ибо она называется *Ввискъ*. Многіе граждане и безмозглые божки, почитая себя остроумными, говорятъ тебѣ важнымъ видомъ, что книги ни къ чему доброму не служатъ. Однако знаютъ ли они, что книги ими управляютъ? Что гражданскій указъ, военный уставъ и Евангеліе суть такія книги, коимъ они вѣчно подвластны? Читайте, просвѣщайтесь, сердце ваше отъ одного токмо чтенія крѣпится, обращеніе же оное сокрушаетъ, а игры стѣсняютъ.

У меня весьма мало денегъ, отвѣчалъ мнѣ человѣкъ въ сорокъ талеровъ; но какъ скоро я хоть маленько исправлю свое состояніе, то накуплю себѣ книгъ у Маркъ-Мишеля Рея.

О ЛЮБОВНОМЪ НЕДУГѢ.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ жилъ въ не большомъ округѣ, гдѣ за 150 лѣтъ никакого не ставили гарнизону. Нравы въ сей неизвѣстной землицѣ были столь чисты, какъ и воздухъ ея окружающій. Тамъ никогда не знали, что индѣ любовь заражается пагубнымъ ядомъ водворяющимся въ самыя сѣмена, что раждающіеся люди заражены бываютъ еще въ самомъ ихъ зачатіи и что естество противуборствуя самому себѣ, нѣжность свирѣпою и забавы страшными учинило; но всякъ будучи непороченъ, вручалъ себя любви безъ малѣйшаго опасенія. По прибытіи же войска все перемѣнилось.

Къ зараженію двадцати деревень въ три мѣсяца довольно было двухъ порутчиковъ, полковаго попа, одного капрала и вышедшаго изъ семинаріи ре-

рекрута. Двѣ двоюродныя сестры человѣка въ сорокъ талеровъ вдругъ увидѣли себя покрытыми мозолеватыми прыщами; прекрасныя ихъ волосы лѣзть начали; голосъ ихъ сдѣлался сиповатымъ, неподвижныя и мрачныя глаза облеклися въ синеватой цвѣтъ, и никогда для покоя поврежденныхъ членовъ не смыкались, которыя сокрытая гниль поѣдала, равно какъ члены Аравитятина Iова, хотя онъ никогда не имѣлъ подобной болѣзни.

Полковой Штабъ-лѣкарь, человѣкъ весьма искусный, не въ силахъ будучи самъ лѣчить всѣхъ тамошнихъ дѣвицъ, просилъ отъ двора помощниковъ.

Военный Министръ всегда готовъ по склонности своей вспомоществовать прекрасному полу, прислалъ къ нему цѣлое рекрутство его братiй, которые одной рукой оскверняли то, что исправляли другой.

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ читалъ тогда философскую книгу Кандида, переведенную съ Нѣмецкаго языка докто-

докторомъ Ралфомъ, которая точно доказываетъ, что въ свѣтѣ все хорошо и что дѣло было совсѣмъ невозможное, чтобы въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ мiровъ, вышеупомянутой недугъ, язва, каменная болѣзнь, зобъ, Валенская палата, и инквизицiонной судъ не занимали мѣста въ составленiи Вселенной, единственно устроенной для человѣка Царя всѣхъ животныхъ и образа и подобiя Божiя, коему онъ, какъ всякъ легко видѣть можетъ, такъ близко подходитъ, какъ двѣ капли воды одна къ другой.

Онъ читалъ также въ истинной исторiи Кандида, что славной докторъ Панглосъ, пользуясь потерялъ глаза и ухо. Увы! говорилъ онъ, такъ и сестры мои, мои бѣдныя сестры будутъ обкарнаны и кривы? Никакъ, отвѣчалъ ему во утѣшенiе Штабъ лѣкарь, у Нѣмцовъ руки не проворны; а что касается до насъ, то мы лѣчимъ дѣвицъ свойственнымъ, надежнымъ и прiятнымъ для нихъ лѣкарствомъ.

Самымъ дѣломъ обѣ прекрасныя его сестры отъ сего избавились, а разду-

тыя головы какъ мячь, чрезъ шесть недѣль, потеряли половину своихъ зубовъ и вываливая языкъ на полуфута по прошествіи шести мѣсяцовъ отъ грудной болѣзни скончались.

Во время операціи братъ ихъ и штабъ лѣкарь разсуждали слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ въ 40 Талеровъ.

Возможно ли, государь мой, что бы естество вмѣстило толь ужасныя мученія, въ толь нужныхъ забавахъ? И къ толикой славѣ присоединило толь великой зазоръ, что не менѣе опасности здѣлать младенца, какъ и убить человѣка? Или правда ли по крайней мѣрѣ; что язва сія мало по малу уменьшается, и къ удовольствію нашему день отъ дня не такъ становится опасна.

Штабъ лѣкарь.

Совсѣмъ тому противное, оная часъ отъ часу болѣе разпространяется по всѣмъ Христіянскимъ въ Европѣ державамъ, и коснулась ужè даже до Сибири. Въ бытность мою тамъ видѣлъ

я

я болѣе пятидесяти человѣкъ отъ нее умершихъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ изъ весьма знатныхъ особъ. Люди слабаго сложенія рѣдко устоять могутъ отъ сея болѣзни и употребляемыхъ притомъ средствъ. По сему двѣ сестры, т. е воспа и помянушая болѣзнь гораздо болѣе истребляютъ рода человѣческаго, нежели Монахи.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Вотъ еще новая причина, для которой Монаховъ уничтожить должно, дабы они причтены будучи въ число людей, нѣсколько исправили наносимое бѣдствіе, сими двумя сестрами. Но скажите пожалуйте, подвержены ли и скоты таковой язвѣ?

ШТАБЪ ЛѢКАРЪ.

Нѣтъ, они не знаютъ также ни воспы, ниже монаховъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Такъ надобно признаться, что они счастливѣе и разумнѣе насъ въ семъ наилучшемъ свѣтѣ.

ШТАБЪ ЛѢКАРЬ.

Объ етомъ я никогда не сомнѣвался: они менѣе насъ подвержены болѣзнямъ и врожденная ихъ склонность гораздо надежнѣе нежели нашъ разумъ; сверьхъ сего ни прошедшее, ни будущее ихъ не мучитъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Вы были лѣкаремъ при Французскомъ послѣ въ Турцiи, много ли въ Константинополѣ сею болѣзнiю зараженныхъ.

ШТАБЪ ЛѢКАРЬ.

Французы принесли ее съ собою въ предмѣстiе Перы, гдѣ они живутъ, и я знавалъ тамъ Капуцина, который ими также былъ изувѣченъ какъ Панглосъ; однако въ Константинополѣ ихъ не водится, потому что Французы въ немъ никогда не ночуютъ. При томъ въ семъ обширномъ городѣ нѣтъ почти ни какихъ распутныхъ женщинъ. Всякой обыватель человѣкъ зажиточный, имѣетъ женъ или черказскихъ невольницъ, коихъ онъ всегда хранитъ и оберегаетъ и коихъ красота опасною ему быть неможетъ. Турки называютъ оную болѣзнь

хри-

христіянскимъ ядомъ, и сіе усугубляетъ чрезмѣрное ихъ къ закону нашему презрѣніе. Но въ награжденіе сами они имѣютъ язву, Египетскую болѣзнь, которую почитая маловажной, предупредить никогда не стараются.

Человѣкъ въ 40 Талеровъ.

Въ которое время думаете вы бичь сей въ Европѣ появился?

Штабъ Лѣкарь.

По возвращеніи изъ первой поѣздки Христофора Колумба къ непорочнымъ жителямъ, незнавшимъ ни корыстолюбія ни брани, что было въ 1494 году. Сіи чистосердечные и правосудные народы подвержены были сей жестокой болѣзни въ самыя древнія и не извѣстныя времена, когда проказа у Мавровъ и жидовъ, а чума у Египтянъ водворялись. Первый плодъ, собранный Испанцами съ завоеваній новаго свѣта, была сія заразительная и пагубная болѣзнь, которая гораздо скорѣе распространилась, нежели Мексиканскія деньги гораздо пожже ходившіе въ Европѣ. Причина тому та, что тогда во всѣхъ городахъ великолѣпныя были зданія, называемыя бор-

дели и выстроенныя по повелѣнію правителей для соблюденія чести госпожъ. Въ сіи то преимущественныя чертоги принесли съ собою Испанцы гостинецъ, откуда Епископы и Принцы для своей надобности брали дѣвушекъ. Констансъ объявляетъ, что сихъ жрицъ было около 718. для службы собора, которой толь свято присудилъ сжечь Іоанна Гуса и Іеронима Прагскаго.

Изъ сего легко разсудить можно, съ какимъ стремленіемъ зараза сія по всѣмъ странамъ промчалась. Первой изъ знатныхъ умеръ отъ нее преосвященнѣйшій Епископъ и намѣстникъ Венгерской въ 1499 году, котораго Варѳоломей Монтанагъ, славный Падуаской медикъ, вылѣчить былъ не въ состояніи. Гвалтіеръ увѣряетъ, что архіепископъ Маинской *Бертолтъ Геннебергъ* умеръ отъ сея болѣзни въ 1504 году. Извѣстно также, что и нашъ Король Франциск I. пресѣкъ нить дней своихъ оною же болѣзнію и что Генрихъ III. получилъ оную въ Венеціи, однако Іаковъ Климентъ предупредилъ жестокія ея дѣйствія.

Париж-

Парижскій парламентъ всегда ревностный къ народному благосостоянію, первой издалъ указъ въ 1497 году противъ сего зла, и запретилъ всѣмъ одержаннымъ сею болѣзнію быть въ Парижѣ подъ смертнымъ наказаніемъ. Но какъ обличить законно мѣщанъ и мѣщанокъ было весьма трудно, то приговоръ сей не болѣе дѣйствовалъ, какъ и изданныя потомъ указы противъ рвотныхъ, и не смотря на строгость парламента число виновниковъ всегда умножалось. Однако ежели бы ихъ вмѣсто того, что бы вѣшать, вылѣчивали, то думать надобно, что бы заразы сей болѣе не было на свѣтѣ, но къ нещастію нашему объ етомъ никогда не помышляли.

Человѣкъ въ 40 Талеровъ.

Справедливо ли, что я въ Кандидѣ начиталъ, что когда двѣ арміи, каждая изъ тридцати тысячь состоящая, одна противъ другой сражаются, то навѣрно положить можно, что съ обѣихъ сторонъ есть по двадцати тысячь зараженныхъ?

Штабъ

ШТАБЪ ЛѢКАРЬ.

Весьма справедливо, и то же самое бываетъ съ Сорбонскими Лиценціатами. Да что же и дѣлать прикажешь симъ молодымъ бакалаврамъ, когда въ нихъ натура сильняе дѣйствуетъ, нежели богословія? Я тебѣ клянусь, что я съ товарищами моими болѣе лѣчилъ молодыхъ іереевъ, нежели молодыхъ офицеровъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ 40 ТАЛЕРОВЪ.

Не можно ли сію заразу, опустошающую Европу, какъ нибудь истребить? Надъ воспой дѣлали уже опыты для приведенія оной въ слабость, такъ не льзя ли и съ сею болѣзнію того же сдѣлать?

ШТАБЪ ЛѢКАРЬ.

У насъ есть одинъ токмо способъ, то есть, что бы всѣ Государи совокупными ополчились силами, какъ вовремена Годефреда и Буилльона. Таковой крестной походъ безъ сомнѣнія былъ бы правосуднѣе противу пагубнаго онаго зла столь много народа пожирающаго, нежели какъ несчастливо нѣкогда предпринятый противъ Салладина, Мелексала и Албанцовъ. Ибо лучше со-

согласиться на пораженіе всеобщаго человѣческому роду врага, нежели безпрестанно безпокоиться о улученіи времени, на опустошеніе земель и уславъ поля тѣлами, похищать у ближняго своего два или три города и нѣсколько деревень. Я говорю противъ собственной своей пользы, потому что въ войнѣ и въ сей болѣзни все мое имѣніе состоитъ, однако надобно быть прежде человѣкомъ, а по томъ штабъ лѣкаремъ.

Симъ то обхожденіемъ человѣкъ въ сорокъ талеровъ, какъ говорятъ, просвѣтилъ свой разумъ и образовалъ свое сердце. Онъ получилъ наслѣдство не токмо отъ двухъ своихъ сестеръ, черезъ шесть мѣсяцовъ умершихъ, но также и отъ весьма дальняго родственника, подрядчика армейскихъ гошпиталей, который отъ раненыхъ солдатъ, понакопилъ немало денегъ. Сей человѣкъ никогда не хотѣлъ жениться; онъ имѣлъ у себя изрядную сераль, не признавалъ никого за своего родственника, жилъ въ піянствѣ и умеръ въ Парижѣ отъ неваренія желудка. Такова особа, какъ всякъ легко видѣть можетъ, была наиполезнѣйшая государству.

Новой нашъ философъ принужденъ былъ отправиться въ Парижъ, для полученія наслѣдства послѣ своего сродственника, гдѣ дворцовой откупщикъ хотѣлъ было у него оное оттягать, однако щастіе въ тяжбѣ пало на его сторону. Онъ удѣлилъ нѣсколько отъ богатаго своего наслѣдства бѣднякамъ своего округа, у коихъ не было и такихъ принадлежностей, что бы доставать по сороку талеровъ доходу. Послѣ сего началъ онъ заводить у себя библіотеку для удовлетворенія своея страсти.

Онъ читалъ всякое утро книги, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а въ вечеру совѣтовался съ учеными людьми, на какомъ языкѣ говорилъ змѣй нашей праматери, въ какомъ тѣлѣ заключается наша душа, въ ноздреватомъ ли или на еловую шишку похожемъ, двадцать ли пять лѣтъ св. Петръ жилъ въ Римѣ, какое есть различіе между государемъ и правителемъ, и для чего Арапы имѣютъ плоскій носъ. Впротчемъ положилъ онъ обѣщаніе никогда не править государствомъ и ни какихъ не сочинять книгъ про-

противъ новыхъ сочиненій. Его называли господиномъ Андре, которое имя дано ему при крещеніи. Всѣ тѣ, кои его знаютъ, воздаютъ справедливость его кротости, и сколь приобрѣтеннымъ, толь и природнымъ его качествамъ. Онъ выстроилъ себѣ изрядной домикъ въ старомъ своемъ помѣстьѣ четырехъ десятинъ. Сынъ его скоро уже достигнетъ такого возраста что можетъ обучаться, однако онъ хочетъ отдать его въ училище Баркуртово, а не Мазариново, попричинѣ той, что тутъ профессоръ Коже сочиняетъ зазорныя книги, а школьному профессору дѣлать сіе со всѣмъ не пристойно.

Супруга его родила ему прекрасную дочь, которую онъ надѣется выдать за совѣтника, только бы онъ не былъ зараженъ тою болѣзнію, которую штабъ лѣкарь во всей Христіанской Европѣ истребить намѣренъ.

ВЕЛИКОЕ ПРѢНІЕ.

Во время пребыванія господина Андре въ Парижѣ былъ тутъ превеликій споръ, состоящій въ томъ: должно ли почитать Марка Антонина честнымъ человѣкомъ и гдѣ онъ до воскресенія пребываетъ, во адѣ ли, въ чистилищѣ, или въ предверіи онаго. Всѣ честные люди держали сторону Марка Антонина, представляя, что онъ былъ Государь всегда правосудный, трезвый, милостивый и воздержный. Правда, онъ не столь хорошія въ раю занимаетъ мѣста, какъ святый Антоній, ибо надобно наблюдать пропорцію какъ мы видѣли прежде, однако безъ сомнѣнія душа Императора Антонина находится не во адѣ. Ежели же она въ чистилищѣ, то надобно ее оттуда избавить и остается только отпѣть нѣсколько пинафидъ, что езуиты въ праздности живущіе учинить могутъ; и такъ пускай они отпоютъ оныхъ три тысячи за упокой души сего Государя; за каждую получатъ они по 15 копѣекъ, что составитъ двѣ тысячи двѣсти пятьдесятъ ливровъ. Впротчемъ къ помазаннику должно

имѣть

имѣть почтенїе и не такъ судить о немъ легкомысленно.

Но противники сихъ честныхъ людей утверждали совсемъ иное; говоря, что надъ нимъ никакого сожалѣнїя имѣть не должно, что онъ былъ еретикъ, гораздо беззаконнѣе нежели послѣдователи Карпократа и Алога, что умеръ безъ исповѣди, и что для того служитъ наилучшимъ примѣромъ быть осужденнымъ, дабы Императоры Китайскїе, Японскїе, Персидскїе, Турецкїе и Марокскїе, также и Короли Аглинскїе, Шведскїе, Дацкїе и Прусскїе, Штатгалтеры Голландскїе и Авоїери бернскїе, которые всѣ не чаще на исповѣдь ходятъ какъ и Императоръ Маркъ Антонинъ, изъ того жить научились; и наконецъ для того, что судить мертвыхъ государей есть не измѣримое для нихъ удовольствїе, по тому что при жизни ихъ ни кто на сїе отважиться не можетъ, опасаясь что бы не потерять своихъ ушей.

Прѣнїе ихъ было столь жестоко, каково между Урсулинами и Аннонцїадами происходило, когда они спорили, кто изъ нихъ долѣе проноситъ яица въ смятку между ягодицами, такъ что бы ихъ не

побить. Столь великой споръ угрожалъ расколомъ, какъ то было во времена *ста и одной сказки* матери моей *гусыни* и нѣкоторыхъ билетовъ выплачиваемыхъ объявителю оныхъ на томъ свѣтѣ. Расколъ есть дѣло весьма опасное, ибо оной значитъ несогласіе во мнѣніяхъ, а до сего пагубнаго времени всѣ люди были одинакого мнѣнія.

Господинъ Андре будучи гражданинъ честный, просилъ заводчиковъ спора съ обѣихъ сторонъ къ себѣ на ужинъ. Онъ у насъ изъ наилучшихъ гостепріимцевъ, нраву кроткаго и веселаго, забавенъ безъ шуму, обходителенъ и чистосердеченъ, въ разсужденіяхъ воздерженъ, а не такъ какъ иные, что другихъ словами замѣтать стараются; почтеніежъ къ себѣ снискивалъ онъ благопріятствомъ, умѣренностію, полнымъ и важнымъ видомъ. У него весело бесѣдовали Корсиканецъ вмѣстѣ съ Генуесцемъ, повѣренной со своимъ противникомъ и Муфтій съ Епископомъ. Тутъ онъ заведши постороннюю рѣчь и розсказывая какъ проклинающимъ, такъ и проклятымъ пріятную повѣсть, весьма искусно отвратилъ

тилЪ первые удары, происходившіе отЪ споровЪ. А потомЪ когда они уже нѣсколько подгуляли, принудилЪ ихЪ подписаться, что душа Марка Антонина останется in ſtatu quo, то есть не знаю гдѣ, ожидая опредѣленнаго суда.

Души сихЪ поучителей возвратились со смиренностію вЪ свои лимбы послѣ ужины, и все было спокойно. Сіе примиреніе сдѣлало не мало чести человѣку вЪ сорокЪ талеровЪ; и послѣ того гдѣ только сильныя и упрямыя прѣнія между учеными или не учеными людьми ни произходили, то всегда говорили вмѣсто пословицы: *Господа подите поужинайте кЪ господину Андре.*

Я знавалЪ нѣкоторыя общества, бывшія между собою вЪ великомЪ несогласіи, которыя подвергнули себя великимЪ нещастіямЪ за тѣмЪ, что у господина Андре не пировали.

ИЗГНАННЫЙ ЗЛОДѢЙ.

Снисканная господиномЪ Андре слава, чрезЪ примиреніе споровЪ великолѣпнымЪ угощеніемЪ привела кЪ нему

на прошлой недѣлѣ весьма чуднаго гостя. Человѣкъ, у коего черное лице и тѣлоположенїе весьма дурное, спина сводомъ, голова на сторону, глаза быстрые и руки совсѣмъ запачканыя, пришелъ его просить о пирѣ для него самаго и его непрїятелей.

Какїе у васъ непрїятели? спросилъ его господинъ Андре и кто вы? Ахъ! отвѣчалъ онъ, я вамъ скажу сущую правду, меня почитаютъ изъ числа глупцовъ, которые сочиняютъ нелѣпыя книги для куска хлѣба и покрикиваютъ вездѣ Богъ, Богъ, Богъ, вѣра, вѣра, дабы выманить какое нибудь подаянїе. Уличаютъ также меня, будто бы я обнесъ истинно набожныхъ гражданъ, искреннихъ богопочитателей и самыхъ честныхъ людей государства. Правда, государь мой, въ самомъ жару сочиненїя часто люди моего промысла дѣлаютъ небольшїя погрѣшности, которыя другїе принимаютъ за грубые пороки и заблуждeнїя называемыя у нихъ безстыдною ложью. Ревность нашу почитаютъ они за гнусную смѣсь плутовства и сумазбродства, и при томъ увѣряютъ, что

когда

когда мы пользуемся легковѣрностїю слабыхъ старушекъ, то всякъ честный человѣкъ, кто токмо читать умѣетъ, гнушается нами и насъ презираетъ.

Непрїятели же мои суть первые члены знатнѣйшихъ въ Европѣ Академїй, также почтенные писатели и добродѣтельные граждане. Недавно издалъ я книгу, подъ заглавїемъ Анти Философическая, при чемъ хотя намѣренїе мое было и искренно, однако покупать ее никто не хотѣлъ, да и тѣ, коимъ я оную подносилъ, метали въ огонь, сказывая мнѣ, что она не токмо противна разуму, но также противна и Христїанскому закону и самой честности.

Изрядно, говорилъ ему господинъ Андре, такъ и вы послѣдуйте тѣмъ, коимъ подносили вашу книгу, бросьте ее въ огонь и не говорите объ ней болѣе ни слова. Я чрезмѣрно похваляю ваше раскаянїе; что же касается до пира, то я не могу угостить васъ съ учеными людьми, потому что они узнавъ, что вашего сочиненїя болѣе читать не будутъ, престанутъ быть вашими непрїятелями.

Но не можете ли вы по крайней мѣрѣ, говорилъ ему Каффардъ, примирить меня съ родственниками покойнаго господина Монтескю, котораго я, похваляя почтеннаго отца Рота не давно скончавшагося и изгнаннаго изъ его дому, память помрачилъ?

Какъ! говорилъ ему господинъ Андре, почтенный отецъ Ротъ давно уже умеръ, такъ подите вы къ нему и ужинать.

Господинъ Андре былъ человѣкъ угрюмой, особливо когда онъ имѣлъ какое нибудь дѣло съ негодными и глупыми людьми. Онъ легко понялъ, что Каффардъ для того только хотѣлъ у него гостить съ учеными людьми, что бы завести споръ, а потомъ обругавъ ихъ, напечатать на нихъ новую ложь. Чего ради выгналъ его изъ своего дому, такъ какъ прогнали Рота изъ дому Президента Монтескю.

Господина Андре обмануть весьма трудно. Ибо чѣмъ болѣе былъ онъ простъ и чистосердеченъ, когда былъ человѣкомъ въ 40 талеровъ, тѣмъ болѣе

сдѣлался остроуменъ, когда пообтерся около людей.

Здравой разсудокъ

Господина Андре.

Колико здравой разсудокъ господина Андре получилъ приращенія съ того времени, какъ онъ завелъ библіотеку! Онъ жилъ съ книгами какъ съ людьми, выбиралъ изъ нихъ самыя лучшія, и никогда въ обманъ имени не давался. Какое удовольствіе научаться и усугублять крѣпость духа за одинъ талеръ, не выходя изъ дому.

Онъ самъ себя поздравлялъ, что родился въ такое время, когда умы человѣческіе въ совершенство приходить начинаютъ. Что бы я дѣлалъ бѣдной, говорилъ онъ, если бы рожденъ былъ при Езуитѣхъ Карассѣ и Пинардѣ, или при учителяхъ Бушерѣ, Обри и Гвинцестрѣ, или въ тѣ времена, когда писателей противу Аристотелевыхъ каѳегорій на каторгу осуждали.

Бѣдность истощила душевныя силы господина Андре, но благосостоянїе оныя возстановило. Подобныхъ ему много есть на свѣтѣ, коимъ одного токмо колеснаго поворота щастїя не достаетъ, чтобы сдѣлаться людьми истиннаго почтенїя достойными.

Онъ теперь свѣдомъ обо всѣхъ Европейскихъ дѣлахъ, а особливо о приращенiи человѣческаго разума.

Мнѣ кажется, говорилъ онъ въ прошлой вторникъ, что разумъ странствуетъ тихими стопами отъ Сѣвера къ Полудню съ двумя своими искренними друзьями опытомъ и терпѣнїемъ: Земледѣлїе и торговля слѣдуютъ за нимъ. Оной было появился въ Италїи, но духовное правленїе оттуда его изгнало, и онъ ничего болѣе здѣлать не могъ, какъ токмо то, что послалъ своихъ повѣренныхъ, которые тайно тамъ добродѣтельствуютъ. Почему уповательно, что въ скоромъ времени государство Сципїоновъ не будетъ болѣе государствомъ Арликиновъ въ схимнахъ.

Во Франціи же оной часъ отъ часу болѣе наживаетъ себѣ неприятелей, однако имѣетъ еще столько друзей, что наконецъ по необходимости сдѣлается первымъ министромъ.

По прибытіи его въ Баварію и Австрію попались ему двое или трое знатныхъ глупцовъ, которые посмотрѣвъ на него съ изумленіемъ и съ ужасомъ говорили, государь мой, мы объ васъ никогда ничего не слыхали и потому васъ не знаемъ. Такъ вы меня государи мои, отвѣчалъ онъ имъ, со временемъ узнаете и будете любить. Меня весьма хорошо приняли въ Берлинѣ, Россіи, Копенгагенѣ и Стокголмѣ и стараніемъ Локка, Гордона, Траншарда, Милорда Шавтесбури и многихъ другихъ давно уже причли меня въ Англіи къ числу тамошнихъ согражданъ, что и вы когда ни будь со мною сдѣлаете, потому что я сынъ времени и всего ожидаю отъ моего отца.

Прошедъ предѣлы Испаніи и Португалліи возносилъ онъ благодареніе Богу, видя что Инквизиціонные костры не такъ уже часто возгорались и узнавъ

что

что Езуитовъ оттуда изгоняютъ, много получить надѣялся, однако опасался еще того, чтобы очищая государство отъ лисицъ не предали оное хищнымъ волкамъ.

Если онъ еще покушаться станетъ войти въ Италїю, то думать надобно, что вступитъ онъ съ начала въ Венецїю и водворится въ Неаполѣ, не смотря на происходящїй тамъ отъ сырости дурной запахъ. Иныя утверждаютъ, что онъ имѣетъ весьма надежное таинство, къ распутыванїю снурковъ короны, которые не знаю я, какимъ то образомъ сплетены со снурками патрїаршей шапки, также и къ воспрещенїю бѣлымъ лошакамъ отдавать честь туфлямъ.

Разговоръ господина Андре веселитъ меня не мало, и чѣмъ болѣе я его вижу, тѣмъ болѣе я его любить начинаю.

О ХОРОШЕЙ УЖИНѢ

У господина Андре.

Вчерашней день ужинали мы вмѣстѣ съ Сорбонскимъ учителемъ, го-

господиномъ Пинтомъ, славнымъ Жидомъ, Реформатскимъ Каноникомъ посланника Голландскаго, съ г: секретаремъ Князя Голицына, Греческаго исповѣданія, Швейцарскимъ Капитаномъ Кальвинскаго закона, двумя философами и тремя разумными госпожами.

Столъ продолжался весьма долго, однако между тѣмъ не было ни какихъ споровъ о законѣ, какъ будто бы никто изъ гостей не имѣлъ никакого. Должно признаться, что мы нынѣ нарочито здѣлались вѣжливыми, поелику опасаемся за трапезою оскорблять ближняго. Регентъ же Коже, бывшіе Езуиты Нонотъ, Патуиллетъ, Роталіеръ и другіе сего рода твари поступаютъ со всемъ инако и не слѣдуютъ ни мало благопристойности; ибо они напутаютъ болѣе дурачества въ двустраничной книжкѣ, нежели сколько наилучшая въ Парижѣ бесѣда продолжающаяся четыре часа заключать въ себѣ можетъ пріятныхъ и нравоучительныхъ рѣчей. И всего чуднѣе то, что они не смѣли говорить человѣку въ лицѣ того, что безстыдно врали на письмѣ.

Съ начала былъ разговоръ о забавныхъ Персидскихъ письмахъ, въ коихъ находятся весьма частыя ссылки на многихъ важныхъ особъ, что свѣтъ не токмо день отъ дня къ хуждшему, но также и къ своему опустошенїю стремится, такъ, что ежели пословица: *чѣмъ болѣе дураковъ, тѣмъ болѣе смѣху*, справедлива, то безъ сомнѣнїя смѣхъ въ скоромъ времени изгнанъ будетъ изъ земли.

Сорбонскїй учитель и самымъ дѣломъ увѣрялъ, что свѣтъ почти къ ничтожеству приведенъ, ссылаяся на О. Пето, который доказываетъ, что одинъ сынъ Ноевъ (за подлинно не знаю Симъ ли то былъ или Іафетъ,) спустя 285 лѣтъ послѣ всемїрнаго потопа менѣе нежели въ 300 лѣтъ произвелъ отъ единаго своего сѣмени такое множество народа, что число онаго до шести сотъ двадцати трехъ билліоновъ, шести сотъ двенадцати милліоновъ трехъ сотъ пятидесяти восьми тысячь простиралось.

Господинъ Андре спросилъ его, для чегоже во времена Филиппа, по прозва-

нїю

нїю Пригожаго, то есть около 300 лѣтъ послѣ Гуга Капета не было шести сотъ, двадцати трехъ билліоновъ принцовъ изъ Царскаго дому? Для того, отвѣчалъ Сорбонскій учитель, что вѣра уменьшилась.

Много говорили также о стовратныхъ Ѳивахъ, и о цѣломъ милліонѣ воиновъ выходившихъ изъ оныхъ съ двадцатью тысячами вооруженныхъ колесницъ. Пожалуйте о семъ помолчите, примолвилъ господинъ Андре; ибо съ тѣхъ поръ, какъ я началъ книги читать, кажется мнѣ, что тотъ же самой духъ писалъ прежде и исторіи, которой сочинялъ Гаргантуа. На конецъ нѣкто изъ гостей продолжалъ, что Ѳивы, Мемфисъ, Вавилонъ, Нинива, Троя и Селевкъ были самые обширные города, и теперь болѣе уже ихъ нѣтъ?Ето правда, отвѣчалъ секретарь Князя Голицына. Но Москва и Константинополь, Лондонъ, Парижъ, Амстердамъ и Ліонъ, превосходящіе и самую Трою также и всѣ Французскіе, Нѣмецкіе, Испанскіе и сѣверные города были тогда мѣстами необитаемыми.

Швей-

Швейцарскій капитанъ, человѣкъ весьма ученый, говорилъ намъ откровенно, что когда предки ихъ хотѣли, оставя горы и стремнины, изыскать пріятнѣйшую землю, то Кесарь, видя исчисленіе сихъ выходцовъ своими глазами, нашелъ триста шестьдесятъ восемъ тысячь человѣкъ, полагая въ томъ числѣ стариковъ, дѣтей и женъ. Нынѣ же одинъ Бернской кантонъ имѣетъ столько жителей, хотя онъ и половины Швейцаріи еще не составляетъ, и могу сказать за подлинно, что тринадцать кантоновъ имѣютъ болѣе двухъ почти милліоновъ душъ, считая при томъ и тѣхъ, которые или въ службѣ или отправляютъ торги въ иностранныхъ государствахъ. Послѣ сего примолвилъ онъ, господа ученые, дѣлайте счетъ и системы; право онѣ также будутъ ложны какъ и другіе.

По томъ предложили вопросъ Римскіе ли мѣщане во времена Кесарей или Парижскіе при жизни господина Силгуетта были богатѣе.

Ахъ! вскричалъ господинъ Андре, ето до меня касается. Я былъ долгое вре-

время человѣкомъ въ сорокъ талеровъ; такъ думать надобно, что Римскiе мѣщане болѣе меня имѣли; ибо сiи славные разбойники большихъ дорогъ разграбили наилучшiе земли въ Азiи, Африкѣ и Европѣ и жили въ чрезвычайномъ великолѣпiи отъ плодовъ своея добычи; однако при всемъ томъ было и въ Римѣ немало бѣдныхъ людей; почему я увѣренъ, что между сими завоевателями свѣта находились и такiе, которые такъ какъ и я не болѣе сорока талеровъ имѣли.

Знаетели вы говорилъ профессоръ Академiи изящныхъ наукъ, и надписей что Лукуллъ издерживалъ на всякую ужину приуготовляемую въ Аполлоновой палатѣ по тридцати девяти тысячь по триста семидесяти два ливра и тридцати копѣекъ нашей ходячей монеты, Аттикъ же напротивъ того, славный Епикуреянинъ не болѣе въ мѣсяцъ употреблялъ на свой столъ, какъ по двѣсти тридцати ливровъ?

Ежели это правда, говорилъ я, то онъ достоинъ быть президентомъ въ Лезинскомъ собранiи, недавно въ Ита-

лїи учрежденномъ. Я также читалъ во Флорѣ, какъ и вы сїю чудную повѣсть; но уповательно, что Флоръ никогда не ужиналъ у Аттика, или что подлинникъ его такъ же испорченъ писцами, какъ и другихъ писателей. Впрочемъ Флоръ меня никогда не увѣритъ, чтобы другъ Кесаря и Помпея, Антонїя и Цицерона, которые часто у него кушали, менѣе издерживалъ въ мѣсяцъ десяти Луидровъ или 50 рублей.

Такъ то сочиняютъ Исторїи.

Госпожа Андре прервавъ рѣчь говорила ученому, что сли бы онъ согласился содержать ея столъ за десять разъ столько, то бы оказалъ ей не малое удовольствїе.

Я думаю, что сїя вечеринка по крайней мѣрѣ стоила г. Андре во столько, сколько Аттикъ издерживалъ въ цѣлый мѣсяцъ, и госпожи собесѣдницы много сомнѣвались о томъ, что бы римскїе пирушки были великолѣпнѣе Парижскихъ. Бесѣда была довольно весела, хотя и походила нѣсколько на ученую: ибо въ ней не говорили ни о но-

новыхЪ модахЪ, ни о насмѣшкахЪ, ниже о соблазнительныхЪ приключенїяхЪ.

По томЪ предложенной вопросЪ о роскошѣ, изслѣдованЪ былЪ подробно: ибо когда сказано было отЪ роскоши ли Римская Имперїя пала, то тотЪ часЪ доказали, что обѣ восточная и западная Имперїи раззорены чрезЪ одни распри и монаховЪ. Да и самымЪ дѣломЪ по взятїи Рима АларикомЪ, вЪ однихЪ только богословскихЪ распряхЪ упражнялись, а по завладѣнїи Константинополя МагометомЪ II., монахи сЪ большею ревностїю защищали вѣчность свѣта Ѳавора, нежели самый городЪ противу ТурокЪ.

При семЪ одинЪ изЪ нашихЪ ученыхЪ подалЪ такое мнѣнїе, которое меня весьма поразило. ОнЪ говорилЪ, что сїи двѣ пространныя Имперїи вЪ конецЪ истреблены и что труды Виргилїя, Горацїя и Овидїя еще и по нынѣ находятся.

По томЪ отЪ временЪ Августа тотчасЪ приступили кЪ Лудвигу XIV. ТутЪ госпожа спросила весьма разум-

но, для чего нынѣ не пишутъ болѣе никакихъ остроумныхъ сочиненій.

Для того сударыня отвѣчалъ господинъ Андре, что сїе писано было въ прежнїе вѣки. Мысль сїя хотя и замысловата, однако справедлива и основательна. Послѣ сего охуждали Шотландца, который осмѣлился предписывать законы вкуса и поносить самыя наилучшїя мѣста въ Расинѣ не разумѣя основательно французскаго языка; но еще болѣе поносили Италїанца, называемаго Денина, который хулилъ книгу о *разумѣ законовъ*, ни мало не понимая оной, и особливо издѣвался надъ тѣмъ, что есть наилучшее въ семъ сочиненїи.

Сїе привело на мысль притворное презрѣнїе Боало къ Тассу. Нѣкто изъ гостей утверждалъ что Тассъ со всѣми своими погрѣшностями, столько превосходилъ Омира сколько Монтескю еще съ большими погрѣшностями предпочтенїя достоинъ пустословному Гроцїю. Противу сей негодной критики происшедшей отъ ненависти и предразсужденїя были сдѣланы сильныя возраженїя; Послѣ чего разсуждали о Денинѣ

нѣ по его заслугамъ, или такъ какъ разсуждаютъ ученые люди о педантахъ.

Но съ особливымъ остроумїемъ замѣчено было, что по большой части ученыя сочиненїя нынѣшняго столѣтїя, равно какъ и разговоры въ бесѣдахъ бываютъ о изслѣдованїи наилучшихъ трудовъ послѣдняго вѣка. Заслуги наши зависятъ отъ разсмотрѣнїя заслугъ другихъ, и мы уподобляемся дѣтямъ лишеннымъ наслѣдства, которые дѣлаютъ щетъ имѣнїя своихъ родителей. Всякъ признавался, что философїя получила весьма великое приращенїе, но что языкъ и слогъ нѣсколько поиспортилися.

Такого свойства бываютъ разговоры, что отъ одной рѣчи переходятъ къ другой. Но всѣ сїи предмѣты любопытства, ученїя и вкуса, вдругъ изчезли, какъ скоро Россїйская Императрица и Король Польскїй явили свѣту великолѣпнѣйшее позорище. Они возстановили низверженное человѣчество и ввели вольность совѣсти въ такой части свѣта, которая гораздо обширнѣе,

нѣе, нежели какова когда либо была Римская Имперія. Заслуги сіи оказанныя человѣчеству и примѣръ данный толь многимъ дворамъ, почитающимъ себя просвѣщенными, были прославляемы по достоинству. Послѣ сего пили мы за здравіе Императрицы, Государя Философа и желали имъ многихъ послѣдователей. Господинъ учитель Сорбонскій показалъ имъ свое удивленіе, по тому что и въ тѣхъ странахъ есть столь же просвѣщенные люди, каковы были нѣкогда у Витянъ.

Россійскій секретарь привелъ насъ въ изумленіе, разсказывая намъ превосходнѣшія учрежденія въ Россіи. Тутъ вопросилъ нѣкто для чего охотнѣе читаютъ исторію Карла XII., который всю свою жизнь препроводилъ въ разореніяхъ своего государства, нежели исторію Петра Великаго, истощившаго всѣ свои силы къ устроенію онаго. Мы заключили, что причиною сего преимущества были слабость и развращеніе, что Карлъ XII. былъ никто иной, какъ сѣверной Донъ Кишотъ, а Петръ Великій Солонъ; что тщеславіемъ зараженные умы предпо-

читаютЪ дерзновенное мужество великимЪ намѣренiямЪ законодавца, что вниманiе городскаго строенiя не столько имЪ нравится, какЪ безразсудная отважность такого человѣка, который сЪ одними своими служителями ополчается противЪ десяти тысячь ТурокЪ, и что на конецЪ большая часть читателей больше любятЪ увеселительныя, нежели нравоучительныя повѣсти. ОтЪ сего то происходитЪ, что сто женщинЪ читаютЪ тысячу и одну ночь, противЪ одной, которая прочитаетЪ двѣ главы изЪ Локка.

Да о чемЪ только не говорили на семЪ пирѣ, которой у меня долго изЪ памяти не выйдетЪ! на конецЪ необходимо надлежало примолвить что нибудь и о актерахЪ и о актриссахЪ, о коихЪ то и дѣло что говорятЪ при столахЪ Версали и Парижа. Всѣ были вЪ томЪ согласны, что Витiя, столь же рѣдокЪ, какЪ и доброй стихотворецЪ. ПирЪ кончился прекрасною пѣсенкою, которую одинЪ изЪ гостей запѣлЪ для дамы. Что же касается до меня, то я могу признаться, что

мнѣ

мнѣ не столько бы былъ прїятенъ столъ Платона, какъ бесѣда господина Андре и его сожительницы.

Наши щеголи и щеголихи безъ сомнѣнїя въ такомъ бы случаѣ померли со скуки. Утверждаютъ, что бесѣда ихъ бываетъ весела, однако ни я, ни господинъ Андре никогда не бываемъ на пирѣ съ оною.

КОНЕЦЪ.

